Бог-Спаситель

ВОСЬМАЯ ТЕТРАДЬ

В начале было Слово...

Новосибирск
2007

От авторов

Дорогой читатель!

Трёхлетнее земное служение Пророка и Учителя из Назарета подходит к концу. Уже рассказаны притчи о Царствии Божием, произнесена Нагорная проповедь, в которой формулируются новые законы Царства, остались позади проповеди в Галилейских синагогах и Иерусалимском храме, куда Иисус приходил на иудейские праздники. Теперь Иисус направляется в Иерусалим на Пасху – третью Пасху со времени начала Своего публичного служения. Он знает, что это Его путешествие станет последним.

Пророк из Галилеи переживёт ещё один триумф – торжественный вход в Иерусалим под восторженные приветствия толпы паломников. Но спустя неделю толпа потребует Его казни: «Распни, распни Его!» Вполне вероятно, что эта толпа в значительной мере состояла из тех, кто с энтузиазмом приветствовал Иисуса всего несколько дней назад.

Кроме христианства в мире есть и другие великие религии, например, буддизм, ислам. Их основатели – Будда Гаутама, пророк Мухаммед – покидали этот мир на волне успеха: их учение

совершало своё победоносное шествие по миру, а вокруг было множество благоговейно поклоняющихся учеников. Иисус же покидает этот мир в полном одиночестве: Его ученики разбежались, а у подножия Креста стоят лишь несколько женщин и только один из апостолов – Иоанн. Последнее, что доведётся Ему услышать на этой земле – не молитвы и не восхищённый шёпот приверженцев, а насмешки и издевательства врагов.

То дело, которому Он служил всю Свою жизнь, на первый взгляд, не только не принесло плодов, но закончилось полным провалом. «Поражу пастыря и рассеются овцы стада», – так опишет эту ситуацию Сам Иисус (Мф 26, 31). Однако происшедшее тогда в Иерусалиме – не случайность, не досадное недоразумение и не простое преступление ожесточившихся людей, произведших скорый суд над Мудрецом и Праведником.

Голгофа – это составная часть Божьего замысла Спасения мира и человека, а ещё точнее – главная его часть, тот последний штрих, та точка над «i», без которых сам этот Замысел оставался бы недовершённым и не мог до конца воплотиться. И земной путь Иисуса, и Его учение о Царстве, и явленное в Его словах и делах Откровение Бога как Любящего Отца – всё это стремилось к Голгофе, как к своему последнему пределу, полноте и увенчанию.

Ислам, как религия, вполне мог бы существовать и без биографии пророка Мухаммеда. В сущности, для него достаточно Священной Книги – Корана. Буддизм вполне мог бы обойтись и без личности основателя. Об этом свидетельствуют авторитетные толкователи буддизма. Но христианство никогда не существовало и не могло бы существовать без Личности Иисуса Христа, причём Христа Распятого и Воскресшего.

Христианство нельзя свести к одной лишь этике Царства или к одному лишь утверждению, что Бог – это наш Отец, и Он нас любит. И если земной Иисус проповедовал Израилю Благую Весть о пришествии Царства и о Любящем Отце, то апостолы, обратившиеся ко всем народам земли, расставили приоритеты иначе. То Евангелие, которое возвещали Апо-

столы, то Евангелие, которое возвещается в Церкви до сих пор – это, прежде всего, Благая Весть об Иисусе Пасхальном, Иисусе Распятом и Воскресшем.

С одной стороны, происшедшая перемена основного содержания проповеди по-своему логична и понятна. Мы не раз отмечали, что Иисус не учил отвлечённым истинам, Он учил **пути** и **истине**, которые были бы способны преобразить реальную **жизнь**. Он учил **отношениям** с Богом и людьми, которые существуют не в теории, а на практике.

Лишь один Человек на земле до конца прошёл угодный Богу **путь**. Лишь один Человек до конца остался верен **истинным отношениям** с Богом и ближними. Этот Человек – **Сам Иисус**. А потому продолжать дело Иисуса – это значит свидетельствовать **о Нём Самом**. Не излагать некое моральное или этическое учение, а рассказывать о **жизненном пути** Того Человека, Которому, по мере сил, обязан подражать каждый, кто хочет считать себя Его последователем и учеником.

С другой стороны, события Пасхи Христовой – Смерти и Воскресения Христа – остаются для нас глубочайшей тайной, куда более странной и парадоксальной, чем парадоксальная проповедь Божия Царства. Почему жизненный Путь, пройденный Иисусом, Его неуклонная верность Истине привели Его на Крест? И что из этого следует для меня, слабого и немощного ученика, подобно всем людям склонного избегать страданий и мечтающего скорее об успехах и победах?

Каждый, кто пытается осмыслить своё христианство, сознательно исповедовать свою веру, в какой-то момент оказывается лицом к лицу с **Пасхальной тайной**. Она тревожит, возбуждает беспокойство, с ней трудно иметь дело, но и проигнорировать её невозможно, ибо в ней – **суть, средоточие христианства**.

О Пасхальной Тайне написано очень много. Её интерпретировали первые ученики Иисуса – Апостолы: одну из глубочайших её интерпретаций можно найти на страницах Посланий Апостола Павла. Её истолковывали Отцы и Учителя Церкви, жившие на протяжении двадцати веков

христианской эры. И современные богословы вновь и вновь пытаются её интерпретировать. Тем не менее, Тайна остаётся Тайной, и всегда будет оставаться таковой, сколько бы мы её ни обсуждали, сколько бы ни старались погрузиться в её сокровенные глубины, сколько бы прекрасных духовных книг о ней ни прочитали. Эта Тайна – неисчерпаема, как неисчерпаем Бог, Личность Иисуса или Книги Библии…

В этой тетради мы хотим предложить вам ещё одну попытку погружения в Тайну, ещё одну попытку соприкосновения с ней, разумеется, без каких-либо претензий окончательно постичь или разрешить её. Мы надеемся, что предложенная авторами курса канва рассуждений сможет вас побудить к самостоятельным размышлениям, молитве и чтению другой духовной литературы. Несомненно одно – Пасхальная Тайна призвана занять центральное место в жизни каждого христианина.

Раздел I

Мессия и Сын Человеческий

Иисус, принявший служение Пророка и Наставника Израиля, учил о приблизившемся Царствии Божием. Вместе с тем, Он постепенно, но со всё большей настойчивостью, приоткрывал Свою совершенно уникальную роль в нём. Наш Господь демонстрировал сначала ближайшим ученикам (апостолам), а затем и всем иудеям Свои мессианские притязания. Иисус давал понять, что ожидаемый Мессия уже пришёл, как уже пришло и само Небесное Царство.

Прежде, чем обратиться в свидетельству Иисуса о Себе Самом, мы ещё раз припомним основные представления о Мессии, бытовавшие в иудейском мире той эпохи. Интересующийся читатель может в этой связи обратиться к 6-ой тетради, а мы ограничимся здесь несколькими краткими замечаниями.

Титул *Мессии*, то есть *Помазанника*, когда-то относился к земным царям из династии Давида, царствовавшим в Иерусалиме. Однако государство Израиля перестало существовать после уничтожения его вавилонским царём Навуходоносором в 586 г. до н.э. Надежды иудеев на возрождение царства связывались с фигурой идеального властителя, посредством которого Бог установит новый порядок.

Согласно общепринятому мнению, зафиксированному в Книгах Пророков, он должен был происходить из рода Давида, а также отличаться исключительной преданностью Богу Израиля и Синайскому завету, способностью вершить справедливый суд и обеспечить защиту угнетённым членам Иудейского народа. В той или иной мере власть Мессии должна была распространяться и на другие народы, а потому с его появлением в мире должны были прекратиться войны.

Наконец, он должен был собрать в Землю Обетованную – Палестину – всех иудеев, рассеянных по миру в ходе предыдущих завоеваний и депортаций[1]. Титул Помазанник – Мессия – мог по праву принадлежать лишь ему одному. Другим общепринятым наименованием ожидаемого Божьего избранника было *Сын Давидов*, что подчёркивало его происхождение и преемственность по отношению к величайшему из царей иудейской древности.

Именно этих взглядов на служение ожидаемого Мессии придерживались фарисеи – участники самого влиятельного из религиозных движений того времени, а также подавляющее большинство иудеев.

Вместе с тем, в Священных Писаниях Израиля содержались и другие идеи, связанные с фигурой посредника Царства Бога. Так в Книге пророка Захарии титул Помазанника относится к первосвященнику, который должен одновременно принять и царские полномочия[2]. Эти взгляды были характерны для ессеев, ещё одного влиятельного движения I века, ожидавших явления Мессии-Священника из рода Аарона. Правда, ессеи ожидали и появления Мессии-Царя из рода Давида, однако его роль по отношению к Мессии-Священнику была, скорее, служебной.

В некоторых кругах надеялись на явление великого Пророка, как Моисей[3]. По-видимому, многие ученики Иоанна Крестителя видели в нём именно такого Пророка и были готовы признать его Мессией. Своеобразным компромиссом этого круга идей с общепринятым образом Мессии-Царя стало ожидание пришествия пророка Илии, который должен был подготовить явление Сына Давида и предварить его во времени. Именно это учение было принято фарисеями и, благодаря им, стало широко распространённым[4].

---

[1] См., например, Ис 11, 1-16.

[2] Зах 6, 9-15.

[3] См. Втор 15, 15. 18-19; Мал 3, 1-2; 4, 5-6.

[4] Ср. Мф 17, 10-11.

Наконец, священные тексты Ветхого Завета указывают ещё некоторые фигуры посредников Царства, практически забытые в иудаизме I столетия, но сыгравшие ключевую роль в интерпретации Своей миссии Иисусом.

Так в апокалиптической Книге Даниила на сцене появляется таинственная фигура Сына Человеческого: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шёл как бы Сын человеческий [подобный человеку, «как человек»], дошёл до Ветхого днями и подведён был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не пройдёт, и царство Его не разрушится» (Дан 7, 13-14).

В отличие от земного Сына Давидова, образ Сына Человеческого имеет здесь явно неотмирный характер, что должно подчеркнуть подобный же характер приходящего свыше Царства. В апокрифической[1] книге Притчи Еноха (конец I в. до н.э.) Сын Человеческий назван Праведным, Избранным, Помазанным. Бог вручает ему всю полноту власти. Он защитит праведных и избранных и низложит царей и сильных, преследующих праведников.

С другой стороны, в Книге пророка Исаии появляется ещё один таинственный образ – Отрока (Раба, Слуги) Господня. Он должен стать совершителем Божия Суда и посредником Спасения для всех народов. Древний пророк говорит по этому поводу следующее: «Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к Которому благоволит душа Моя.

---

[1] Напомним, что *апокрифами* называются тексты религиозного содержания, появившиеся в среде иудаизма и раннего христианства, но не вошедшие в канон книг Ветхого и Нового Завета. Название происходит от греческого слова *апокрифос* – «тайный», «сокровенный». И в самом деле, тексты, относящиеся к числу *апокрифических*, претендовали на изложение тайного Откровения, призванного дополнить общеизвестное и общепризнанное Откровение, выраженное в Священных Писаниях. Апокрифические книги обычно приписывались известным персонажам Священной Истории: праведникам древности (Енох), патриархам, пророкам и учителям Израиля (Моисей, Исаия, Иеремия, Варух, Ездра) или апостолам Иисуса Христа. Позднее слово *апокрифос* стало применяться в значении «вымышленный», «недостоверный».

Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд» (Ис 42, 1). «Мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля; но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Моё простёрлось до концов земли» (Ис 49, 6).

Служение Отрока Господня неразрывно связано с тяжкими страданиями, которые, однако, приведут его к конечному торжеству и дадут возможность искупить грех многих: «Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесёт. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтён был, тогда как Он понёс на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис 53, 11-12).

Что именно в этих представлениях Иисус принимал, и что отвергал? И каким образом Он давал понять соотечественникам, что горячо ожидаемый ими Мессия уже пришёл?

В отличие от раввинов, выступавших в качестве интерпретаторов уже существующей традиции, Иисус учил от Своего имени, как власть имеющий, а не как книжники[1]. Только один Бог может называться Отцом, но таким же образом только один Иисус может называться Наставником[2]. Он не принимает во внимание авторитет Моисея, прямо ссылаясь на известную Ему изначальную волю Бога[3]. Он ставит Себя выше других, весьма почитаемых персонажей Священной Истории: Ионы, Соломона[4], Давида[5], Авраама[6].

Больше того, Иисус ставил Себя выше самого Храма[7]! Он ставил Себя выше Торы (Закона Моисея), от Своего имени отпуская грехи[8] и провозглашая Себя «господином суббо-

1 Мк 1, 22.
2 Мф 23, 10.
3 Мк 10, 2-9.
4 Мф 12, 41-42.
5 Мк 12, 37.
6 Ин 10, 58.
7 Мф 12, 6.
8 Мк 2, 5.

ты»[1]. Между тем, именно Храм и Тора находились в центре иудейской религии! Даже ожидаемый Мессия никоим образом не мог на них посягнуть. Выше авторитета Храма и Торы был лишь авторитет Самого Бога! Претензии Иисуса, если бы они были приняты, означали конец иудейской религии в сложившейся к тому времени её исторической форме.

Поведение Иисуса изумляло окружающих: «Никогда ничего такого мы не видали»[2]. Знатоки иудейского Закона не могли сдержать своего возмущения: «Что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?»[3]. Даже родственники Иисуса полагали, что «Он вышел из себя», т.е. стал жертвой экзальтации[4]. И среди противников Иисуса, и среди тех, кто Ему симпатизировал, всё громче звучал недоумённый вопрос: «Кто же Этот, о Котором мы слышим такое?»[5].

1 Мк 2, 28.
2 Мк 2, 12.
3 Мк 2, 7.
4 Мк 3, 21.
5 Ср. Лк 9, 9.

И тогда Иисус вызывает Своих учеников на решительный разговор (Мк 8, 27-30). Находясь вблизи Кесарии Филипповой, Он спрашивает вначале: «За кого почитают Меня люди?» Ученики пересказывают Иисусу толки о Нём в среде симпатизирующих Ему слушателей: «За Иоанна Крестителя [воскресшего из мёртвых], другие – за Илию, а иные – за одного из пророков».

Затем следует прямой вопрос: «А вы за кого почитаете Меня?» И Пётр, от имени всех учеников, решается на ответственейшее исповедание: «Ты Христос (Мессия)». Иначе говоря, Ты – Надежда Израиля, Ты – Тот, с Кем связаны древние обетования, Ты – Тот, в Ком открылся высший смысл религии отцов!

Иисус принимает это исповедание, но тут же, парадоксальным образом запрещает свидетельствовать о нём публично. Сам Он никогда не назовёт Себя Мессией – Сыном Давидовым, хотя и не протестует, когда так называют Его другие люди[1]. Лишь в конце Своего земного служения Иисус сознательно совершит ряд символических действий, однозначно приписанных пророками грядущему Мессии. Это уже можно считать формой публичного исповедания Своего мессианского достоинства.

Иисус торжественно въезжает в Иерусалим на молодом осле, что представляет собой исполнение пророчества из Книги Захарии[2]. Он принимает приветствия толпы, именующей Его Сыном Давидовым[3], и, вопреки решительному протесту иудейских религиозных лидеров, отказывается отречься от этого титула[4]. Он совершает очищение Храма, что, согласно некоторым иудейским традициям, также должен был сделать Мессия-Сын Давидов, чем возбуждает новую волну споров и негодования: «Какою властью Ты это делаешь? и кто дал Тебе такую власть?»[5].

---

[1] Ср. Мк 10, 47-48.

[2] Зах 9, 9: «Ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се Царь твой грядёт к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной».

[3] Мф 21, 9.

[4] Мф 21, 15-16.

[5] Мф 21, 23.

С другой стороны, Он вступает в спор со знатоками Писания, доказывая, что титул *Сын Давидов* не выражает подлинного характера служения Мессии: «Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему?»[1]. И в свидетельстве о сущности Своей миссии Иисус столь же загадочен, как и в свидетельстве о сущности Царства. Те, кто воспринимает религию Ветхого Завета как свод незыблемых заповедей, вновь ощущают себя поставленными в тупик.

Иисус раскрывает суть Царства – новых отношений с Богом и ближними – иносказательно, в притчах. Так же, скорее намёком, из контекста, чем непосредственно, Он даёт прикоснуться к сути Своей миссии Посредника. В подавляющем большинстве Своих высказываний Иисус говорит о Себе в третьем лице: Сын Человеческий.

Этот титул практически не встречается в других новозаветных произведениях, кроме Евангелий. Иначе говоря, в

[1] Мф 22, 45.

отличие от других титулов – Христос, Господь, Сын Божий, Агнец Божий – он не выражал учения ранней Церкви об Иисусе. Только Сам Иисус – Он один, и никто другой – свидетельствовал о Себе, как о Сыне Человеческом. Древнейшее церковное предание сохранило память об этом факте. Какой же смысл Иисус вкладывал в это выражение?

Заметим, что в еврейском, арамейском и других восточных языках оборот «сын человеческий» является синонимом слова «человек». Так и во многих текстах Ветхого Завета сын человеческий (сыны человеческие) – это просто человек (люди). В падшем мире сынам человеческим приходится претерпевать многие лишения: голод и холод, стихийные бедствия, соблазны, и, наконец, саму смерть. Называя Себя Сыном Человеческим, Иисус свидетельствует о Себе как о человеке, одном из нас. Больше того, Он отождествляет Себя с самыми несчастными из нас: теми, кто не имеет, где преклонить голову, с голодными, гонимыми, узниками…

С другой стороны, в Книге пророка Иезекииля Господь, обращаясь к этому пророку, обычно называет его сыном человеческим. Иезекииль был наставником Израиля в Вавилонском плену, он принёс избранному народу новое знание о Боге. Вполне вероятно, что, именуя Себя Сыном Человеческим, Иисус указывает и на Своё служение Пророка, принесшего Израилю новое Откровение Бога.

Наконец, Сын Человеческий – это Посредник неотмирного Царства Божия из Книги Даниила. Царство, проповедуемое Иисусом, отнюдь не находится на том свете. Напротив, оно пришло в мир, оно здесь, рядом, на расстоянии вытянутой руки. Но, вместе с тем, оно не от мира сего[1], ибо решительно противоречит нравам сего мира, отношениям, которые в нём господствуют, образу Бога и образу человека, которые в нём сформировались…

Иисус знал Библию, как и другие религиозные традиции Своего народа. Из них Он черпал образы, призванные должным образом выразить Его миссию. Иисус решительно отверг

1 Ин 18, 36.

общепринятые представления о характере служения будущего Мессии. Он не пожелал стать политическим лидером – создателем теократического государства. Потому-то Он так осторожно относился к титулу Сын Давидов, обременённому грузом подобных ассоциаций.

Вместе с тем, и этот титул, идентичный титулу Мессия, мог быть приемлем, если понимать его в духе Иисуса, а не в духе популярных иудейских мнений. Иисус действительно исполнил служение Мессии, но по-Своему – как Сын Человеческий, как Слуга Господень. А ещё – как Сын Божий. К этой важнейшей грани Его свидетельства о Себе мы теперь и намерены обратиться.

Сын Божий

Наименование «Отец» применительно к Богу не было чуждо Ветхому Завету. В связи с этим появлялось и соответствующее ему понятие «сын». Иногда эта пара понятий относилась к народу Израиля: Бог, образовавший (т.е. родивший) Израиль посредством заключения с ним Завета и дарования Закона; Бог, проявлявший о Своём народе исключительную заботу, мог именоваться его Отцом. Вот как говорит об этом Книга Второзакония: «Не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя, создал и устроил тебя?» (Втор 32, 6). А пророк Исаия пишет: «Но ныне, Господи, Ты – Отец наш; мы глина, а Ты – образователь наш, и все мы – дело руки Твоей» (Ис 64, 8).

Тот же Исаия называет Бога Отцом святого остатка Израиля, израильтян искренне преданных Богу, по-настоящему любящих Его: «Только Ты – Отец наш; ибо Авраам не узнаёт нас, и Израиль не признаёт нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твоё: Искупитель наш» (Ис 63, 16).

В других случаях Бог провозглашался Отцом определённых людей – Его избранников, которых Он окружал особой опекой. Так сыном Божиим мог считаться царь Израиля из

династии Давида: «Я буду ему отцом, а он будет Мне сыном…» (2 Цар 7, 14; ср. также Пс 89 (88), 27-29).

Весьма выразительны и строки 2-го псалма, который в древности использовался в качестве торжественного гимна, исполнявшегося при вступлении на престол очередного отпрыска Давидовой династии: «Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею. Возвещу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя. Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе…» (Пс 2, 6-8). Позднее, в некоторых кругах иудаизма (например, у ессеев), этот псалом получил мессианскую интерпретацию, и, таким образом, титул Сын [Божий] мог быть отнесён к будущему Мессии.

В псалме 68 (67) Бог провозглашён Отцом сирот и вдов, самых беззащитных членов общества, тех, кому не на что и не на кого рассчитывать, кроме одного Бога. Наконец, в Книге Иисуса, сына Сирахова «как бы сыном Всевышнего» назван праведный человек, подобно Богу проявляющий заботу о сиротах и вдовах: «Сиротам будь как отец, и матери их – вместо мужа; и будешь как сын Всевышнего, и Он возлюбит тебя более, нежели мать твоя» (Сир 4, 10-11).

Однако в современной Иисусу иудейской традиции Бога практически никогда не называли Отцом. Это казалось слишком вызывающим и непочтительным по отношению к Тому, само имя Которого было окружено священным ореолом. Даже грядущего Мессию в распространённой – фарисейской – интерпретации называли не Сыном Божиим, но лишь Сыном Давидовым. Тем более недопустимым, не только с точки зрения современного Иисусу благочестия, но и с точки зрения Ветхого Завета, был факт, когда сам человек именовал себя Сыном Божиим. А, между тем, именно это и делал Иисус.

Он постоянно обращался к Богу «мой Отче»[1]. Заметим, что Иисус говорил на арамейском языке. Употреблявшееся Им слово «Авва» звучало даже более интимно, чем просто «Отец». Его возможным значением могло быть «папочка». Факт такого

[1] Мк 14, 36; Мф 11, 25-27; 26, 39.42; Лк 23, 46; и опосредованно: в Мф 27, 21; 8, 32 сл.; 16, 17; 18, 19.35.

обращения к Богу был настолько необычен, что христианская традиция сохранила его оригинальное, арамейское звучание.

В некоторых написанных по-гречески текстах Нового Завета слово «Авва» стоит рядом со своим греческим переводом *Патер* (в русском переводе – «Отец», «Отче»): Авва Отче[1]. Такая практика казалась иудеям нестерпимым богохульством. По их мнению, Иисус намеренно упразднял непреодолимую границу между Богом и человеком: «Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Ин 10, 33).

Называя Бога Отцом, а Себя – Сыном, Иисус, безусловно, мог вдохновляться прочитанной Им заново ветхозаветной традицией. Он по праву мог считать Себя Сыном, и, будучи олицетворением святого остатка Израиля, тех, кто до конца и безоговорочно предан Богу; и как бездомный Сын Человеческий, не имеющий в этом мире где приклонить голову; и как Мессия из рода Давида, и как Друг всех угнетённых в Израиле – вдов и сирот.

Защищая Своё право называться Сыном в полемике с иудейскими религиозными лидерами, Иисус использовал такого рода аргументы: «Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, – Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?» (Ин 10, 34-36). И всё же, и этим не исчерпывается вся глубина свидетельства Иисуса о Себе.

Взять, например, такое высказывание Иисуса: «Всё предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф 11, 27; ср. Лк 10, 22). За этими словами стоит уникальное познание Бога, восприятие подлинного образа Божия, открывшееся Иисусу в Его личном духовном опыте.

Итак, Иисусу передано истинное знание о Боге, которым не владеет никто из Его современников. И в самом деле, образ

---

[1] Так в Мк 14, 6; Рим 8, 15 и Гал 4, 6.

Бога, Которого исповедовал Иисус, был совершенно иным, нежели во всех направлениях современного Ему иудаизма – у фарисеев, саддукеев, ессеев, Иоанна Крестителя…

Столь близкое познание предполагает особые взаимоотношения между Иисусом и Богом – по образу отношения отца с сыном. Иисус ощущал Себя носителем именно такого знания и именно таких взаимоотношений. Можно предположить, что сознание исключительности этих взаимоотношений в человеческом сознании Иисуса постоянно нарастало. Таким образом, сознание Своего Богосыновства стало неотъемлемой частью Его мессианского сознания.

Иисус, обладающий уникальным познанием Бога, имеет способность открывать его миру. Следовательно, Он играет исключительную роль в передаче человечеству истинного знания о Боге. Более того, Он – единственный, Кто может открыть истинный лик Божий. Конечно же, речь идёт не о знании в смысле информации. Иисус передаёт людям не сумму знаний о Боге. Он – Свидетель Бога Живого (Откр 3, 14: «Свидетель верный и истинный»), Тот, Кто делает Бога присутствующим Своим словом, Своими делами, всей Своей личностью!

Ещё более выразительный характер имеет свидетельство Иисуса о Себе, приведённое в Евангелии от Иоанна. Прочитаем отрывок Ин 5, 17-29:

«17 Иисус же говорил им: Отец Мой доныне делает, и Я делаю. 18 И ещё более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу. 19 На это Иисус сказал: истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. 20 Ибо Отец любит Сына и показывает Ему всё, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь. 21 Ибо, как Отец воскрешает мёртвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. 22 Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, 23 дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его. 24 Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь. 25 Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мёртвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут. 26 Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. 27 И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий. 28 Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; 29 и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения».

В древнем мире отец, как правило, передавал свои знания и профессиональные умения сыну. Так и Иисус унаследовал профессию плотника от Иосифа, того, кто на земле считался Его отцом. Однако подлинный Отец Иисуса – на небесах. И сей Небесный Отец щедро делится со Своим Сыном. Он учит Его всему, что умеет Сам: «Отец любит Сына и показывает Ему всё, что творит Сам» (ст. 20).

В свою очередь, Сын творит то, чему научился у Отца (ст. 19). Благотворит людям (ст. 17). Воскрешает мёртвых и оживляет (ст. 21). Проповедует слово, которое, будучи словом Божиим, дарит жизнь (ст. 24). Бессмертная жизнь Бога в лице Сына стала доступна людям (ст. 26. 28-29). Наконец, «Бог и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца» (ст. 22-23).

Заметим ещё, что не только Отца не знает никто, кроме Сына, но и Сына не знает никто, кроме Отца. Миссия Иисуса исходит от Бога, поэтому один лишь Бог может иметь о ней полное знание. Больше того, один лишь Бог может иметь полное знание о том, Кто есть Иисус – Посредник, являющий миру подлинный образ Бога.

Все прочие люди, включая иудеев, воспитанных в ветхозаветных и раввинистических традициях, не могут иметь такого знания, пока не примут ***откровение Отца в Сыне***. Именно поэтому Иисус может воскликнуть: «Я и Отец – одно» (Ин 10, 30). Сын и Отец одно, но не одно и то же. Иисус обращается к Отцу как к другому «Я», отличному от Его Собственного. Отношения между Отцом и Сыном – это отношения «Я – Ты». Но Отец и Сын имеют одно и то же внутреннее содержание, один и тот же сокровенный характер личности. Они – едины в Своей духовной Сущности, хотя остаются разными Лицами, пребывающими Друг с Другом в постоянном общении.

В свете такого понимания Иисусом Себя Самого и Своей миссии нет ничего удивительного, что призыв стать участником Царства трансформируется в Его устах в призыв следовать за Собой, как за Носителем принципиально нового Откровения.

Но куда ведёт в этом мире Путь Иисуса? Ответ известен: на Крест. Почему же Сын Всемогущего Бога заканчивает именно таким образом? С одной стороны, ответ известен даже людям, далёким от Церкви. Большинство из нас так или иначе слышало, что Иисус умер за грехи всех людей, чтобы спасти и искупить всех людей, чтобы привести нас к Богу. И это, конечно, правда. Однако факт смерти Иисуса от этого не становится более понятным.

Какое отношение Его мученическая смерть может иметь ко мне лично, как она искупает мои грехи, как спасает меня самого? Истина о том, что Иисус умер за грехи всех людей, часто так и остаётся отвлечённой истиной. Очень трудно увязать её с реальностью нашей жизни, извлечь из неё по-настоящему важные для нас выводы.

Нам необходимо вновь и вновь обращаться к образу Распятого, чтобы слышанные нами много раз формулы вероисповедания наполнились реальным смыслом, коснулись не только нашего слуха, но и нашего сердца. Мы предлагаем вам сделать вместе с нами ещё одну такую попытку.

Смерть Иисуса

Судя по высказываниям Иисуса во время последнего путешествия в Иерусалим – троекратное предсказание страданий и смерти Сына Человеческого, призывы взять свой крест, загадочные слова о чаше, которую будут пить ученики и о крещении, которым они будут креститься[1], – Он заранее знал, что идёт на смерть.

Среди прочего, к такому выводу Его могли подтолкнуть обычные человеческие соображения. В самом деле, Иисус

[1] Мк 10, 38-39.

знал о трагической судьбе Иоанна Крестителя[1]. Видимо, находясь под впечатлением его казни, Он произнёс Свои слова о Царстве, терпящем насилие[2], отсюда и Его призыв молиться к Отцу, чтобы не впасть в искушение[3]. Его конфронтация с фарисеями и законоучителями рано или поздно также должна была подойти к развязке. Противники обвиняли Иисуса в магии, богохульстве, лжепророчестве, намеренном осквернении субботы и развратном поведении[4]. Между тем, любое из этих преступлений, согласно Закону Моисея, каралось смертью.

Наконец, имевший полноту духовных дарований Иисус мог просто предчувствовать близость Собственной смерти и даже наперёд знать её обстоятельства. Известны же нам подобные примеры из жизни некоторых людей, которых мы называем духовно прозорливыми. Совершая Пасхальную вечерю со Своими ближайшими учениками, Учитель из Галилеи прямо свидетельствует о Своей скорой гибели[5], а по завершении праздничной трапезы отправляется в Гефсиманский сад, лежащий у стен Иерусалима. На Свою последнюю перед арестом молитву.

Гефсиманское борение

Судя по сцене молитвы в Гефсиманском саду[6], к моменту завершения Своего земного пути Иисус оказался в состоянии глубочайшего душевного кризиса. Он и прежде не раз бывал

---

[1] Мк 6, 14-19; 9, 13.

[2] Мф 11, 12. В Синодальной Библии это предложение звучит так: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берётся…», однако, по мнению библеистов, более точным является перевод: «Царство Небесное терпит насилие».

[3] В молитве *Отче наш* (Мф 6, 13).

[4] См. Мф 11, 19, где Иисус назван обжорой и пьяницей. Аналогичным образом в Книге Второзакония характеризовался непокорный сын, которого следовало предать смерти. Ср. Втор 21, 18-21.

[5] Ср. Мк 14, 17-25.

[6] Мк 14, 32-42; Мф 26, 36-46; Лк 22, 39-46.

на волосок от гибели[1], и предсказывал Собственную смерть. Теперь, ощущая её непосредственную близость, не стремится её избежать, как когда-то в Назарете. Он сознаёт, что время Его пришло. И, тем не менее, Его охватывает ужас, тоска, смятение.

Нам не дано в полной мере постичь тайну Иисусова борения. Возможно, как некогда в пустыне перед началом Его служения, сатана снова приступил к Нему с искушениями. Ведь теперь Ему предстояло сделать самый важный, самый ответственный в жизни шаг, притом такой, от которого зависела будущая судьба всего человечества. Подобный шаг когда-то был сделан первым человеком, Адамом.

И здесь перед нашим мысленным взором невольно встаёт иной сад – Эдемский. Там сатане удалось подвести Адама к выводу, что Господь – это ограничивающий его свободу Тиран, боящийся, что человек сможет стать вровень с Богом. Но Иисус знает Бога как любящего Отца, глубоко уважающего человеческую свободу…

---

[1] См., например: Лк 4, 28-30; Ин 5, 10-18; 8, 58-59.

И всё-таки, Гефсиманское сражение с сатаной было неимоверно тяжёлым. Об этом свидетельствует и замечание евангелиста Марка, что Иисус «пал на землю и молился»[1]; и упоминание Луки о молитве до кровавого пота[2]. Отчаянным усилием воли Иисусу удалось взять Себя в руки и мужественно пойти навстречу смерти, которую Он теперь однозначно воспринимал как волю Отца: «Не как Я хочу, но как Ты… Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя»[3].

Поведение Иисуса чем-то отдалённо напоминает стенания Иова, который, не в силах перенести всего ужаса выпавших на его долю страданий, не скрывает своего отчаяния перед Богом. И всё же, как когда-то Иов, Иисус находит в Себе силы сохранить верность Богу, принять Свою жестокую судьбу как дар свыше, как выражение Божественной воли: «Не как Я хочу, но как Ты».

Представим себе человека, оказавшегося в критической ситуации, на грани смерти, в тяжёлой болезни, в полном одиночестве. Рядом нет никого из близких, тучи сгущаются, и не от кого ждать помощи и поддержки. И тогда в душу невольно начинают закрадываться сомнения относительно реальности Божией любви и Его опеки. Возникает соблазн отказаться от «сказок» о Боге, замкнуться в себе, остаться один на один со своим неизбывным страданием.

На этот путь нас часто подталкивают и наши ближние, другие люди. «Где был твой Бог, когда с тобой случилось несчастье? Куда Он смотрел? Разве любящий Господь мог бы допустить такое? Да есть ли Он вообще?» За подобными словами кроется действительный опыт страданий, посетивший очень многих людей, опыт лично пережитого ими горя.

Мы не всегда можем объяснить, почему произошли те или иные трагические события, разрушившие жизнь отдельного человека или даже целого человеческого сообщества. Конеч-

---

[1] Мк 14, 35.

[2] Лк 22, 44.

[3] Мф 26, 39. 42.

но, какие-то из них можно объяснить как раз отдалением от Бога, пренебрежением Его заповедями. Но как понять парадокс невинных страданий, как постичь смысл страданий лучших из людей, тех, кого именуют праведниками?

Невинно страдающий Иов, несмотря на все усилия сатаны, не отрекается от своего Бога, не хулит Его. Он соглашается с тем, что от Всевышнего следует принимать всё – и доброе, и злое. Иисус знает Бога куда лучше, чем Иов, а потому спешит уединиться с Ним в молитве. Лишь в личной встрече с Господом можно получить ответ на свои вопросы, справиться со своими сомнениями…

Осознанно принять волю Божию со всеми трагическими для нас последствиями, не утратив при этом веры в Господа, как в любящего Отца, веры в то, что все наши страдания искупятся, приобретут некий высший смысл и значение – это и есть предельное выражение человеческой свободы, той свободы, которую утратил Адам, и которую нам вернул Иисус.

Не случалось ли и нам оказываться в ситуации Гефсиманского борения в момент принятия трудного решения, поиска единственно верного пути, когда обстоятельства нам отнюдь не благоприятствуют, а на карту поставлено очень многое – наша дальнейшая судьба, сама наша жизнь и… жизни и судьбы других людей?

Как трудно бывает в эти минуты победить себя, преодолеть своё естественное тяготение к простому, эгоистическому решению, – не подставляясь ударам судьбы, отказаться от исполнения долга ради тихих радостей жизни. Ведь своя рубашка ближе к телу, своё благополучие куда драгоценнее, чем чьё-то… Как выбраться из-под лавины навалившегося? Иногда может показаться, что достойного, честного выхода и вовсе не существует.

Но стоит лишь выйти за пределы своего ограниченного «я», как становится ясно, что это не совсем так. Ведь есть Бог, есть Его благие замыслы, которые охватывают всё на свете, в том числе, и меня самого. Им-то и необходимо следовать, приводя свои мысли и поступки в соответствие с Его волей, каким бы

трудным ни казалось положение, с какими бы трагическими для нас последствиями не был связан выход из него.

Именно так вёл Себя Иисус в Гефсимании. Он устоял в Своей схватке с сатаной, отверг его соблазны и искушения. Искуситель ловко маскируется, предлагая свои решения и пути выхода из ситуации, не имеющие ничего общего с Богом и Истиной. Они всегда подкреплены солидными аргументами, соображениями здравого смысла, пестрят яркими житейскими примерами, на которые якобы следует ориентироваться.

Противостоять натиску лукавого невозможно в одиночку, но только вместе с Богом, в глубоком молитвенном общении с Ним. Поступать со всем смирением и кротостью, и, одновременно, со всем мужеством и твёрдостью, не бояться пострадать за веру, за правду, за Божье дело – это и есть путь следования за Христом, подражания Ему.

Такого рода примерами богата двухтысячелетняя история христианства. Сам Иисус назвал блаженными тех, кого гонят ради верности Богу и Его истине, тех, кто не изменил требованиям долга. Их награда – Царство Небесное, причём не только там, в вечности, но и здесь, на земле (ср. Мф 5, 10-12).

Ещё раз о смысле страданий

Страдания естественно воспринимаются людьми как что-то сугубо отрицательное, разрушительное. Все мы от природы запрограммированы на поиск приятных ощущений, все мы инстинктивно стремимся избегать боли. Не потому ли мы склонны бежать от собственных страданий и не замечать чужих?

Тот факт, что символом христианства является Распятие, знак страданий и смерти, отталкивает от этой религии очень многих. Распятию мы предпочитаем другие, более приемлемые символы: всевозможные амулеты, призванные защитить от болезней, принести счастье, здоровье, материальное процветание.

Однако существует и прямо противоположное отношение к страданию. В некоторых христианских кругах оно абсолю-

тизируется. Со страданием не борются, но ищут, считая его чуть ли не сутью христианства. Такое отношение к страданиям пугает некоторых людей, уводит их прочь от Христа.

Между тем, Иисус не искал страданий. Он даже стремился избегать их, но не любой ценой. Его настоящей целью были не страдания, а исполнение воли Отца. Однако, приняв Божью волю, Иисус принял и сопряжённые с верностью этой воле страдания, больше того, испил чашу страданий до конца. Пожалуй, не было такого вида страданий, которых бы Он не претерпел.

Простой житейский опыт неопровержимо доказывает, что в этой жизни страдает каждый человек. Нет людей, которые совсем не имели бы этого опыта. Тем не менее, в наше время быть страдальцем не модно, как не модно быть бедным или неудачником. Человек, нацеленный на продвижение по социальной лестнице, должен излучать здоровье, бодрость, силу, успех. Наверное, поэтому мы так упорно стараемся убедить себя самих и окружающих, что страдания нас не касаются, что наша жизнь легка и приятна.

Но обманывать себя подобным образом можно лишь до поры до времени. Загонять страдание куда-нибудь глубоко, вовсе не означает не страдать. Чем больше мы игнорируем страдания, тем сильнее они нам досаждают. Покойный папа Иоанн Павел II как-то заметил, что по-настоящему страдает не тот, кто испытывает боль, а тот, кто не знает, *зачем* он её испытывает.

Боль, испытываемая Христом, была необычайно сильна. Но и эта боль была для Него исполнена смысла, связанного с исполнением Божьих замыслов, с торжеством Божия Царства, с делом Спасения мира и человека… Сознание смысла помогло Ему не утратить самообладания, достойно пройти через мучения Страстей.

Неизменная маска показного оптимизма и беззаботности на человеческом лице свидетельствует лишь о непонимании смысла собственных страданий. А от того, чего не понимаешь, желательно спрятаться, или вовсе его отрицать. Не стоит делать вид, что у нас всегда всё хорошо. По крайней мере, не

стоит этого делать, оставаясь наедине с Богом. Ведь тот, кто не ищет помощи и не просит о ней, никогда её не получит.

Испытывая страх и отвращение к выпадающим на нашу долю страданиям, точнее говоря, не испытывая к ним ничего, кроме страха и отвращения, мы рискуем отказаться от важнейшей грани нашего призвания, нашего жизненного пути. Для вечности наши поражения, тяготы, наши боль и страдания не менее, а может быть и более важны, чем наши успехи и достижения, наши ощущения физического здоровья и душевной гармонии.

Оставаться верующим, достойным, радостным (в глубоком, духовном смысле) человеком в болезни, боли, наконец, на пороге физической смерти – это высшее искусство жизни, это – настоящий тест на подлинную человечность. Отказываясь принять свою боль, пережить её вместе со Христом, мы сами себя лишаем полноты жизни.

Далеко не всегда смысл того или иного нашего страдания очевиден для нас. Но мы можем поговорить об этом с Богом, как говорил Иисус в Гефсиманском саду. И тогда Господь подскажет нам, почему и зачем мы страдаем. Он откроет нам смысл нашей боли и перетерпит её вместе с нами. В таком случае сама боль окажется искупленной, посвящённой Богу и спасительной. Боль станет тем, что соединяет нас с Отцом.

Для неверующих людей страдания исключительно разрушительны, смертоносны и бессмысленны. Для верующих они представляют неотъемлемый элемент личного Спасения, обретают свою значимость и ценность. Страдания, переживаемые в отчуждении от Бога, неизбежно порождают отчаяние, озлобленность, зависть. Это становится причиной изоляции, разрыва отношений с окружающими людьми.

Страдания, пережитые в единении с Богом, оборачиваются новыми, порой неожиданными перспективами, способствуют созреванию личности и создают поле отношений с ближними – товарищами по несчастью, и теми, кого переживаемые нами страдания пока не затронули. Одна возможность принимать необходимую помощь и самому

её оказывать может стать в этом случае источником радости и поводом для благодарности Богу.

Притом Господь вовсе не требует от нас стоической невозмутимости в переживаемых нами страданиях. Призывая Своих учеников мужественно противостоять страху, Сам Иисус тоже преодолевал его, напрягая при этом все Свои человеческие силы. Ведь Он был искушаем, как и все мы (ср. Евр 2, 18: «Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушён, то может и искушаемым помочь»). Как же Он был похож на нас в Своих переживаниях!

Предчувствие жестоких физических мук, тяжёлый внутренний кризис, связанный с исполнением Божьей воли, обернулись каплями кровавого пота. Именно в Гефсиманском саду Иисус особенно человечен, особенно нам близок. В Его борении сокровенным образом присутствуют и наши переживания, и страхи всех людей. «Он взял на себя наши немощи, и понёс наши болезни», – сказал о Нём пророк Исаия[1].

При всём том Иисус не оправдывает Своего страха, не стыдится в нём признаться, не изображает сверхчеловека, невосприимчивого к страданию. Проявленная Иисусом слабость, возможно, шокировала Его учеников: «Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь»[2], – скажет о происходящем Он Сам.

Вместе с тем, Иисус не бежит от страха и страданий, Он готов вытерпеть всё до конца. Как раз, поэтому перед распятием Он отказывается от дурманящего напитка (уксуса, смешанного с желчью, ср. Мф 27, 34), притупляющего ощущения, затемняющего сознание.

Не давая Себе послаблений, Он проходит как через страх перед грядущими мучениями и смертью, так и через сами мучения и смерть. Иисус показывает нам пример, и ждёт от нас сознательного отношения к своим страданиям. Он учит нас не поддаваться им. А ещё – не стесняться просить о помощи. Не постеснялся же Иисус попросить о помощи самых

---

[1] Ис 53, 4.

[2] Мф 26, 31.

близких Своих учеников. Он берёт с Собой Петра, Иакова и Иоанна и предлагает им стать свидетелями Своей духовной борьбы. Он признаётся им в Своём тяжёлом состоянии: «Душа моя скорбит смертельно». Затем просит: «Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною»[1].

[1] Мф 26, 38.

Так и нам порой не обойтись без человеческой помощи. Очень важно в трудной ситуации не замыкаться в себе, а поделиться с тем, кому доверяешь. Для этого необходимо смирение: готовность признаться себе и другим, что ты – не сверхчеловек. Часто наши амбиции не позволяют нам просить помощи. Мы стараемся изобразить уверенность в себе, лукавим, скрывая своё подлинное состояние. От этого наш страх, наша боль становятся ещё сильнее.

Иисус, Сын Человеческий и Сын Божий, не боится бояться и не боится просить учеников о поддержке. Правда, должной поддержки Он не получает, а потому обращается к ученикам с упрёком: «Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?»[1].

Так и мы не всегда находим у близких людей ту помощь, на которую рассчитываем. Да и может ли другой человек дать нам полное освобождение, предоставить исчерпывающую помощь, особенно если речь идёт о последнем пределе жизни и смерти? Это лежит по ту сторону реальных человеческих возможностей, и Иисус прекрасно сознаёт, что один лишь Отец может до конца утолить тоску Его Сыновнего сердца. Ангел, пришедший с небес, и был ответом Отца на отчаянный вопль Сына.

Бог не избавляет нас от необходимости борьбы, от искушений болью и отчаянием. Но Он же укрепляет нас, даёт силы для успешного противостояния тяготам, побуждает брать на себя ответственность. Воскресший Иисус пообещал ученикам поддерживать их в испытаниях во все дни до скончания века[2]. Спокойное отношение к боли, страданиям, самой смерти даёт Бог, и только Он один. Может ли этот ответ по-настоящему утешить того, кто оказался у последней черты, последнего предела? Но иного ответа попросту не существует.

В ситуации тяжких испытаний, как и во всех других случаях, христианин попытается поступить по примеру своего Учителя – Христа. Заканчивая Свой земной путь, Иисус неустрашимо идёт навстречу собственной гибели, шагает в

---

[1] Мф 26, 40.
[2] Мф 28, 20.

неизвестность, поддерживаемый беззаветной верой в любовь Небесного Отца. Христос пережил не только опыт человеческой жизни, но и опыт человеческой смерти со всем её ужасом, потому-то Он искупил и саму смерть, превратил её разрушительную мощь в источник Жизни Вечной, в средство полного единения с Богом.

Почему распяли Иисуса?

Факт распятия Иисуса ныне общеизвестен и воспринимается нами как нечто само собой разумеющееся. Между тем, для историков он представляет немалую проблему. Удивление вызывает то обстоятельство, что Иисус был казнён именно по приговору иудейского суда. Это положение дел выглядит по-своему исключительным.

На рубеже нашей эры в Израиле существовало множество течений, группировок, сект; были и иные, кроме Иисуса, кандидаты в Мессии (см. об этом *Экскурс* в 6-ой тетради). Религиозные воззрения ряда иудейских течений расходились со взглядами общепризнанной элиты, представленной в лице фарисеев и саддукеев. Тем не менее, никто из альтернативных лидеров не представал перед судом Синедриона (Высшего иудейского совета). Нам ничего не известно и о фактах систематических гонений на кого-то из них. Почему же для Иисуса было сделано исключение?

Из текста Евангелий можно сделать вывод, что определённую роль сыграли здесь и политические мотивы. В числе прочего об этом свидетельствует и надпись на кресте, обозначающая преступление Иисуса: «Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Ин 18, 19). И сама форма казни: Он был распят между двумя разбойниками (вероятно, иудейскими повстанцами из числа зилотов), как мятежник.

Обвинения, лёгшие в основу смертного приговора, по-видимому, следует рассматривать как религиозно-политические. Отчетливее всего они представлены в Евангелии от Луки: «Мы

нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царём… Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места»[1].

Основываясь на сообщениях Евангелий, принимая во внимание другие исторические данные, можно вычленить естественные причины смерти Иисуса. Их можно суммировать следующим образом. Несовместимость учения Иисуса о Царстве и Его личных претензий Посредника с общепринятой религией, которую исповедовало большинство Его современников-иудеев. Политические интриги, беспринципность римского наместника Понтия Пилата, принявшего окончательное решение о предании Иисуса на казнь.

Иудаизм времён Иисуса, в основных чертах, был полностью сложившейся религией. Высшим и окончательным изъявлением Бога в ней был Закон Моисея (Тора) в той трактовке, которую ему придали последующие поколения учителей. Ожидаемый Мессия не мог посягать на основы этой религии.

[1] Лк 23, 2.5.

Он должен был осуществить некоторые чаяния, связанные с её внешним, видимым торжеством.

Легко представить себе логику судей Синедриона – Высшего иудейского совета, – потребовавших казнить Иисуса[1]. Человек из низов общества, обыкновенный плотник, не имеющий религиозного образования, странствующий проповедник, склонный к экзальтации, объявляет себя носителем Божественной силы и славы! На вопрос первосвященника: «Ты ли Христос [Мессия], Сын Благословенного [Бога]», Он отвечает: «Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных»[2].

С точки зрения рафинированных[3] иудейских лидеров (священников, аристократов, законоучителей) это – небывалая наглость или тяжёлая форма мании величия, образец абсолютно невменяемого поведения. Сколько же вреда этот человек может принести своими проповедями, которые – что невозможно отрицать – производят сильное впечатление на невежественных и легковерных людей! А потому он и его движение должны быть остановлены любой ценой и как можно скорее!

В этом и состоит долг лучших людей Израиля, его элиты, призванной блюсти верность древним религиозным традициям и поддерживать в народе спокойствие и правопорядок. Требуя смертного приговора для Иисуса, члены Синедриона, безусловно, полагали, что делают благое, оправданное их религиозными принципами дело.

Нельзя также отрицать, что проповедь Иисуса нередко встречала отпор не только со стороны иудейских лидеров, но и со стороны простого народа. Его не приняли земляки – жители Его родного города Назарета[1]. Сам Иисус упрекал

---

[1] См. описание суда над Иисусом: Мк 14, 53-65.

[2] Мк 14, 61-62.

[3] *Рафинированный* – буквально – очищенный. В переносном значении – обладающий самыми характерными признаками какого-либо явления. Так представители иудейской элиты считали себя наиболее достойными сынами Израиля и выразителями его религиозной, культурной и исторической идентичности.

галилейские города – Вифсаиду, Хоразин, Капернаум, где Его проповедь, как казалось, развивалась весьма успешно – в нежелании покаяться, вступить в новые, характерные для приблизившегося Царства, отношения с Богом[2].

Заметим, что смертного приговора Иисусу требовали не только представители иудейской элиты, но и подстрекаемая ими толпа, весь народ[3]. Причина неприятия народом Иисуса в сущности та же, что и у руководителей: полное несоответствие Его образа жизни и Его учения общепринятым представлениям и ожиданиям.

Наконец, утвердивший приговор иудейского суда Пилат руководствовался пресловутой политической целесообразностью. С этой точки зрения, жизнь отдельного человека не стоит ровным счётом ничего, ею легко можно пожертвовать для достижения нужных целей. В глазах римского наместника, Иисус – странный, безобидный, в чём-то даже интересный человек, в

[1] Мк 6, 1-6.
[2] Мф 11, 20-24.
[3] Мф 27, 20-25.

конечном же счёте, бесполезный бродяга. Его смерть, как и его жизнь, – такая мелочь, о которой не следует особо сокрушаться. В действиях Пилата со всей очевидностью возобладал цинизм политика, свойственный, к сожалению, не ему одному.

Однако никто из евангелистов не довольствуется лишь естественным объяснением гибели Иисуса. Всё происшедшее с Ним рассматривается как своего рода священно-историческое принуждение, как неотъемлемая, более того, главная по значению часть Божьего замысла Спасения мира. «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?»[1]. Иисус и в самом деле был убит по человеческой вине – руками беззаконных, но по определённому совету и предведению Божию[2]. Мы вновь вернёмся к этой важнейшей теме чуть ниже, а пока последуем за приговорённым к смерти Иисусом на вершину Голгофского холма, к подножию Креста.

На Кресте

Уже в ходе размышлений о Гефсиманском борении у нас мог возникнуть вполне резонный вопрос: что же конкретно так устрашило Иисуса? Одна только перспектива физической боли и физической смерти? Ведь даже многие неверующие люди сохраняют самообладание в подобной ситуации. Заметим, однако, что в Библии словом «смерть» часто обозначается не просто «разлучение души с телом», а нечто гораздо более страшное.

В Библии смерть – это знак разрыва человека с Богом, дающим жизнь; разлучение с Богом, состояние абсолютной богооставленности, лишение самого источника жизни, короче говоря, то, что можно назвать тьмой кромешной, адом. В этой связи можно говорить о мистическом переживании гнева Божия: «Страшно впасть в руки Бога живаго!»[3].

---

[1] Лк 24, 26.

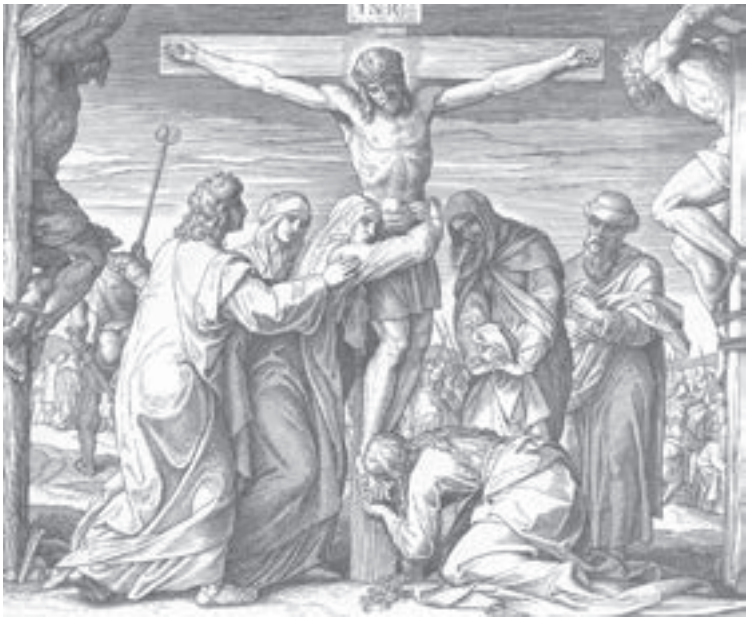
[2] Деян 2, 23.

[3] Евр 10, 31; ср. Мф 10, 28.

По-видимому, именно такой опыт стал уделом Иисуса в Гефсимании и, особенно, на Кресте. Возможно, именно о таком душевном состоянии Иисуса свидетельствует Евангелие от Марка, согласно которому последними словами Распятого было восклицание, переданное евангелистом в его арамейской форме: «Элои! Элои! Ламма савахфани?» – «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк 15, 34).

Оказавшись на Кресте, Иисус погрузился в абсолютную тьму, физическую и духовную. Никому из нас, не дошедших ещё до своего последнего предела, до конца не известно это состояние. Оно для нас – что-то непостижимое, Тайна. Пожалуй, главное в нём – ощущение неизбывного одиночества, оставленности людьми и Самим Богом. Опыт Креста – это опыт ужасающего молчания Бога.

До этого момента Иисус жил обычной человеческой жизнью: трудился Своими руками, терпел лишения и невзгоды, преодолевал искушения, совершал свободный выбор, общался с другими людьми… Ему довелось познать радости любви и



дружбы, а также горечь предательства и отречения ближайших учеников, зависти и злобы врагов…

Занимаясь плотницким ремеслом в Назарете, став затем странствующим проповедником, Он приобрёл богатый жизненный опыт. Только одного опыта Он так и не приобрёл: будучи безгрешным человеком, Сыном Человеческим и Сыном Божиим, Он не имел опыта греха. Пребывая в постоянном общении с Отцом, Иисус не испытал последствий греха, отделяющих человека от Бога, воздвигающих непроницаемую стену между Творцом и тварью.

И вот теперь, на Кресте, Он впервые ощутил всю тяжесть этого разрыва. Ощутил не потому, что прежде согрешил, а потому, что добровольно поместил Себя в ситуацию согрешившего человека. Или же Отец поместил Его в такую ситуацию.

На Кресте Иисус страдал за грешного человека и вместо грешного человека. Это утверждение не проясняет до конца Тайны Креста, но, по крайней мере, позволяет к ней приблизиться. На Кресте явлен весь трагизм ситуации падшего Адама, трагизм ситуации человека, добровольно лишившего себя Отчей любви. Чтобы понять весь её ужас, достаточно взглянуть на Крест.

Иисус, вознесённый на Крест для человека, ради человека, от лица того же человека вопиет к Богу: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Тем самым, давая свидетельство человеческого отчуждения от Бога и признавая это положение предельно бедственным. Этот вопль агонии и непереносимых страданий, это выражение крайней удалённости от Создателя заключает в себе и ноту надежды. Иисус надеется быть услышанным, верит, что Отец и теперь, при всём Своём кажущемся молчании, внемлет Ему. В свете последующего Воскресения предсмертный вопль Христа выглядит совсем иначе.

Что же отсюда следует для нас? Если мы сами ощущаем себя на Кресте, если присоединяемся к воплю Распятого, если кричим во весь голос о своём горестном положении, о своей жажде иной жизни, Бог непременно услышит нас и воскресит, подарит вечную радость общения с Собой, расторгающую узы физической смерти.

Абсолютное одиночество Распятого Христа не имело аналогов в прежней Священной Истории. Не то чтобы Израилю не был известен опыт мученичества за веру. Иудейские мученики шли на смерть, призывая Бога в свидетели, но они не были одиноки. Народ восхищался ими, прославлял их подвиги. Они сами и их соплеменники верили, что пролитая кровь приближает День Господень, день окончательного торжества Израиля над его врагами.

А что же Иисус? Он умирал под аккомпанемент жестоких насмешек со стороны представителей Своего народа[1]. Большинство Его последователей разбежалось, а те, кто всё же стоял под Крестом, понимали ли смысл и величие происходящего?

А разве наши страдания не кажутся нам уникальными? Разве не кажется уникальным и непереносимым наш маленький крест? Разве кто-то может понять, сколь мучительна испытываемая мною боль, сколь тяжелы терзающие меня нравственные муки? У окружающих меня людей своя жизнь, свои заботы и интересы, свои страдания, наконец… Им недосуг заниматься мной, копаться в моих душевных ранах, плакать вместе со мной.

В лучшем случае, они предложат обезболивающую таблетку, скажут дежурные слова утешения, дадут не очень-то нужный совет, изобразят на лице сочувствие и… поспешат по своим делам. Да и чего ещё можно ждать от людей? Разве я сам не поступал точно так же по отношению к ближним, оказавшимся на кресте смертельного недуга, трагически сложившихся обстоятельств, крушения прежних жизненных устоев? В конечном счёте, мы убеждаемся, насколько оправдана житейская мудрость: твою радость готовы разделить многие, но со своим горем, нуждой, страданием ты обречён оставаться один на один.

Но для верующего человека остаётся открытой иная возможность. С ним – Иисус, переживший опыт абсолютного одиночества на Кресте. Он, «как Сам претерпел, будучи искушён, то может и искушаемым помочь»[2]. Ему не безразличны наши беды.

[1] Ср. Мф 27, 39-44.

[2] Евр 2, 18.

Ему мы можем довериться в молитве, не рискуя натолкнуться на стену равнодушия. У Него мы можем найти ту любовь, то сострадание, которых нам так не хватает в окружающем мире. Самое же главное – Он знает о нашем отчуждении от Бога не понаслышке, Он Сам побывал в том же положении, а потому может извлечь нас из него и примирить с Творцом. Это и есть Спасение, ставшее доступным во Христе и через Христа. Его и только Его мы по праву именуем Спасителем.

Безусловно, в нашем мире есть люди, способные к состраданию, умеющие пережить чужую боль, как свою собственную. Они ближе других к Иисусу, тоньше, чем кто-либо, понимают Его. Но разве только эти чистые души могут надеяться на убежище во Христе? Ведь Он умер и за жестокосердых и злых.

Вспомним, как Он вёл Себя, направляясь к месту казни. Подгоняемый ударами бичей, изнемогающий под тяжестью креста, Он скорбит о тяжкой участи жителей Иерусалима, сопереживает их бедствиям, которые пока не наступили,

но наступят в скором будущем[1]. Позже, умирая в мучениях, молит Отца простить Его истязателей, ибо они не знают, что делают[2], и вводит в Царство Небесное раскаявшегося на пороге смерти разбойника[3].

Иисус страдал и за наших врагов, доставляющих нам столько неприятностей. Ведь и они не меньше нашего нуждаются в примирении с Богом, и Господь любит их не меньше, чем нас. Иисус оставался верным Себе до последнего вздоха. Вплоть до последних мгновений Своей земной жизни Он являл нам всё тот же любящий Лик Отца, не желающего гибели ни одного из творений, даже самого ничтожного, самого недостойного из них.

Между Богом и тварью отныне нет никакой преграды. Желая проиллюстрировать эту истину, евангелисты прибегли к яркому выразительному средству. Согласно их сообщению, в момент смерти Иисуса завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу[4]. Напомним, что завеса отделяла Святое Святых, место символического присутствия Бога, от прочего храмового пространства. За завесу было запрещено вступать, кому бы то ни было, кроме первосвященника. Но и ему дозволялось делать это лишь однажды в год.

Разрыв материальной завесы знаменует упразднение куда более значимой завесы, поставленной между Богом и человеком в результате падения Адама. Этой завесы больше нет, нет стен и прочих препятствий. Каждый из нас отныне может встретиться с Богом лицом к лицу, каждый из нас может с Ним примириться. Потому, проживая последние секунды Своей жизни, Иисус может выдохнуть: «Свершилось!»[5]. Потому Он может произнести: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой»[6]. Это – возглас победителя, до конца исполнившего свою миссию.

---

[1] Лк 23, 27-31.

[2] Лк 23, 34.

[3] Лк 23, 39-43.

[4] Мк 15, 38.

[5] Ин 19, 30.

[6] Лк 23, 46.

Могло ли случиться иначе?

Соприкасаясь с Тайной Смерти Иисуса, пытаясь приникнуть в её сокровенные глубины, мы не можем уклониться от следующего вопроса: неужели Всемогущий и Любящий Бог был не в состоянии найти иной путь примирения с человеком, не столь кровавый, не столь безмерно-трагический? Может быть, тогда и христианство казалось бы более гуманным и менее пугающим для наших современников, так не любящих страданий? Может быть, тогда и его символом могло бы стать Распятие не напоминающее об ужасе смерти, а куда более приемлемый, куда более оптимистичный знак?

Возникает и ещё один вопрос. Мы уже многое сказали о характере отношений Отца и Сына, о бесконечной любви, связывающей Их. Так что же заставило Бога предложить Своему Возлюбленному Сыну столь ужасный удел? Неужели Он не испытывал жалости? Почему так хотел увидеть Избранного Своего на Кресте?

Позднейшая традиция Церкви обычно расценивала смерть Иисуса как абсолютную необходимость, и связывала её с восстановлением Божественной справедливости – преодолением юридической вины перед Богом всех людей, начиная с Адама и Евы, совершивших первый грех. Смерть – справедливая кара за грех. Бог, как Верховный Законодатель вселенной, не мог отказаться от принципа адекватного воздаяния, на котором зиждется мир.

С другой стороны, присущее Ему милосердие побуждало искать способов спасения твари, избавления её от заслуженного наказания. И выход был найден. Бог-Сын стал человеком и принял наказание на Себя. Сам будучи безгрешным, Он страдал за чужую вину. Таким образом, все прочие люди были освобождены от наказания и получили возможность примирения с Создателем.

Приведённому интеллектуальному построению нельзя отказать в логической стройности. Но очевидны и слабости подобных

аргументов. Выработанные в ходе человеческой истории, по существу уже в падшем мире, юридические категории применяются здесь к совершенно иной сфере – отношениям Творца и несущего в себе образ и подобие Божие творения. Такая трактовка плохо вяжется с образом бесконечно любящего Бога-Отца, о котором свидетельствовал Иисус, и с реальностью проповеданного Им Царства, как новых отношений Бога и человека, доверительного диалога между ними.

Что же такое диалог? Это встреча двух равных, уважающих друг друга, доверяющих друг другу личностей. Отношения диалога зиждутся на взаимной свободе, что исключает абсолютную необходимость, заданность происходящего. Скорее, можно говорить о результатах диалога, определённых волей обеих сторон. Эта воля может быть благой, и тогда имеет место диалог любви, но если у одной из сторон добрая воля отсутствует, диалог прерывается. Не стала ли смерть Иисуса результатом этого прерванного диалога Бога с людьми? С другой стороны, та же Смерть позволила этот, казалось бы, безнадёжно неудавшийся диалог возобновить.

Теперь мы наберёмся смелости и попробуем взглянуть на ситуацию глазами Бога, Того Любящего Отца, образ Которого открылся в проповеди Иисуса. Господь предложил человеку Царство – отношения любви, но большинство людей оказалось неспособно принять такие отношения. Со своей стороны, Бог не мог прибегнуть к внешнему принуждению, ибо такое Его вмешательство противоречило бы самой природе Царства, и исключало бы свободный диалог любви.

Можно попытаться представить себе и нечто поистине ужасное, сокрушительное: отказ Господа от дальнейшего диалога. В таком случае оказалось бы, что грех – неприятие людьми Бога, противостояние Ему – сильнее, чем Божия любовь. А потому Господь избрал ещё один путь: мученическую смерть Того Человека, с Которым Он Себя отождествил, что означало и Его собственную Смерть! Смерть, превратившуюся в доказательство безмерного характера

Божией Любви в настоящем и, одновременно, ставшую гарантией торжества этой Любви в будущем!

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»[1]. Один из мудрецов нашей эпохи, недавно умерший Папа Римский Иоанн Павел II, описал эту ситуацию так: «Спросим самих себя, стараясь быть объективными в своих рассуждениях: мог ли Бог пойти дальше в Своём самоумалении, в Своём сближении с человеком, с его реальными условиями бытия, с его познавательными возможностями? Как кажется, Он пошёл так далеко, как только мог, далее идти уже не мог. В некотором смысле, Он зашёл даже слишком далеко!» («Переступить порог надежды», 6).

Распятие – это парадоксальная демонстрация Божественной Любви, отчаянно взывающей к жестокосердному творению, демонстрация её безмерной мощи, её необъятной силы, не желающей, не могущей смириться с поражением. Такую Любовь ничто не остановит, не сокрушит. Она не может не принести Спасения!

---

[1] Ин 3, 16.

Нет сомнений, что и Сам Иисус, в Своём человеческом самосознании понимал Свои страдания и смерть как добровольную жертву. Не случайно Он отождествлял Себя с Отроком Господним из Книги Исаии, о котором пророк писал следующее:

«Он был презрен и умалён пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо своё; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижён Богом. Но Он изъязвлён был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, ведён был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис 53, 3-7).

Ситуация, когда подобное пророчество стало актуальным, возникла в Иудее в середине II века до н.э. Её описание мы можем найти в 1-ой и 2-ой Книгах Маккавейских. Мы рассказывали о ней и в Экскурсе, помещённом в 6-ой тетради. Израиль находился тогда под властью сирийских царей, потомков Селевка Никатора, одного из полководцев Александра Македонского, провозгласившего на части завоёванных им территорий независимое государство.

Среди иудеев появилась достаточно многочисленная и влиятельная партия «безбожных», стремившихся к ассимиляции Богоизбранного народа в господствующую тогда эллинистическую культуру. Подобное предприятие могло осуществиться только за счёт отказа от Библейского Единобожия и от образа жизни, продиктованного требованиями Моисеева закона.

«Безбожные» добились ряда успехов, в частности, первосвященником Иерусалимского храма был назначен человек, склонный воплощать их политику в жизнь. И вот, очередной царь из династии Селевкидов, Антиох IV Епифан, вознамерился одним ударом покончить с религиозной и культурной самобытностью иудеев, растворить их в основной массе своих подданных.

Богооткровенная религия была поставлена вне закона, в Иерусалимском храме начали приноситься жертвы языческим богам, за чтение и хранение свитков Торы полагалась смертная казнь. Казни подлежали также все, кто исполнял иудейские религиозные обряды, включая обрезание детей и соблюдение субботы. Следствием репрессий Антиоха Епифана стало появление множества мучеников за веру.

Они воспринимали происходящее, как кару, допущенную Богом за страшный грех отступничества Израиля в лице «безбожных»[1], а свою смерть – как жертву, способную остановить гнев и вернуть весь Израиль к Богу. Мученики – эти лучшие представители народа – умирали за весь народ! Сама их смерть была великим свидетельством в пользу религии Единого Бога!

Вот что говорил один из мучеников царю Антиоху в последние минуты своей жизни: «Я же, как и братья мои, предаю и душу и тело за отеческие законы, призывая Бога, чтобы Он скоро умилосердился над народом, и чтобы ты с муками и карами исповедал, что Он един есть Бог, и чтобы на мне и на братьях моих окончился гнев Всемогущего, праведно постигший весь род наш»[2]. И кровь мучеников не была пролита напрасно: вскоре царь Антиох погиб, а религия Моисеева закона была восстановлена.

Теперь же Бог в лице Иисуса протянул человеку руку примирения, предложил ему войти в Своё Царство. Тем не менее, человек не внял Божию призыву. Израиль вновь стал виновен в страшном грехе отступничества. Сознавая видимую неудачу Своей земной миссии, Иисус выбирает мученическую смерть. Для Него поступить иначе – значит предать Своё призвание Посредника, перечеркнуть всё, что Он до этого делал, что говорил, к чему призывал…

Героическая смерть завораживает, не позволяет оставаться равнодушным, заставляет задуматься: почему этот человек отказался от самого драгоценного – своей жизни? Постепенно происходит переосмысление его жизненного пути, слов,

---

[1] Ср. 1 Макк 1, 64.

[2] 2 Макк 7, 37-38.

деяний, а в итоге – самой личности. Его образ становится более ярким, приобретает более чёткие очертания, а история прожитой жизни превращается в *житие*. Он заражает своей верой, своим подвигом, пробуждая желание подражать, следовать за собой, продолжать начатое им дело…

Иисус был уверен, что Смерть Посредника Царства, сродни родовым мукам беременной женщины, способна приблизить его рождение в мире и в душах людей: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришёл час её; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир»[1].

Смерть Посредника Царства способна искупить и грехи избранного народа, вновь, в который раз разминувшегося с Богом. Его Кровь – «Кровь нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов»[2]. Вот почему Иисус молится на кресте и за отвергших Его сынов собственного народа, и даже за язычников-римлян, приводящих приговор в исполнение: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают»[3]. Именно Крестная Смерть даёт новый шанс делу Царства: «И когда Я вознесён буду от земли, всех привлеку к Себе»[4].

Евангелия ясно свидетельствуют, что Иисус идёт на смерть не просто проявляя послушание не вполне понятной Ему воле Отца, но продуманно и осознанно, подводя тем самым итог Своей миссии. Он видит в Своей смерти заключительный аккорд, увенчивающий всё Его служение, придающий ему целостность и завершённость.

Мог ли Иисус избежать гибели? Конечно, да! Он знал, что Его враги готовятся дать Ему последний бой в Иерусалиме, что они уже приняли решение уничтожить Его физически. В таком случае Иисус мог бы просто не ходить в Иерусалим! Он знал, что Иуда выдал Иерусалимским священникам и старейшинам место Его уединённой молитвы. Так что же мешало Ему не

---

[1] Ин 16, 21.

[2] Мф 26, 28.

[3] Лк 23, 34.

[4] Ин 12, 32.

пойти в ту ночь на это место и незаметно покинуть столицу? Нет сомнений, что Иисус без труда мог сохранить Свою земную жизнь и даже по-человечески счастливо её устроить.

Даже в момент ареста у Него оставался шанс предстать перед соотечественниками в роли воинственного Мессии, которого они так ожидали. Стражники, пришедшие схватить Иисуса, пали ниц, очевидно, поражённые неземной силой Его взора. Иисусу пришлось даже приободрять их, лишь после такого ободрения они решились произвести арест[1].

Апостолы были готовы с оружием в руках защищать своего Учителя. Но Иисус остановил Петра: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?»[2].

Слова о двенадцати легионах ангелов, учитывая свойственную Иисусу образную манеру выражаться, можно переф-

[1] Ин 18, 3-9.

[2] Мф 26, 52-54.

разировать так: «Если бы Я избрал насильственный путь борьбы за овладение миром, то нашёл бы для этого средства». Однако поступить так означало поддаться искушению сатаны, которое Иисус уже отверг в самом начале Своего служения, во время сорокадневного пребывания в пустыне.

Иисус мог и просто ускользнуть от преследователей, раствориться в ночной тьме и, вернувшись в Галилею, обеспечить Себе спокойное будущее, пользуясь остатками Своей популярности у земляков и пуская в ход Свои способности чудотворца. Ведь, несмотря на возросшую активность врагов, многие иудеи по-прежнему считали Иисуса великим Пророком, Учителем, Раввином.

Но что тогда стало бы с Его делом, делом Царства? Продолжив благополучную земную жизнь, Иисус отнял бы у людей Спасение, завещанное им Небесным Отцом. «Посмотрите на этого обманщика, где обещанное им Божие Царство? Он Сам живёт припеваючи, вводя в заблуждение Своими идеями и получая от этого материальную выгоду», – так разъяснили бы суть происходящего противники Иисуса – священники, старейшины, книжники, фарисеи… И очень скоро идея Царства исчезла бы из сознания людей, не принеся никакого плода, как исчезают в конце концов все идеи, остающиеся только идеями.

Народ по-прежнему ожидал бы воинственного Мессию и кровавого отмщения язычникам. Иисус не исполнил бы волю Отца, исказил Его образ, предал Свою миссию. Разумеется, Сын Божий не мог допустить такого. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода. Любящий душу свою [т.е. *свою земную жизнь*, *своё физическое существование*] погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную», – говорит Иисус[1].

Надеялся ли Пророк из Назарета, проповедуя соотечественникам Царство и покаяние, на позитивный отклик с их стороны? Такой возможности нельзя исключать, особенно

---

1 Ин 12, 24.

на первых этапах Его служения. Однако со временем всё более очевидным становилось для Него, что сердца большинства остаются невосприимчивыми к вдохновенному Слову и чудесам исцелений. Чтобы достучаться в закрытые двери человеческих душ требовались средство более сильное. И таким средством, в глазах Иисуса, оставалась лишь Его Собственная Смерть, подававшая пример безусловной верности Богу, Его Закону любви, терпения, милосердия и всепрощения, а также пример верности личному, полученному свыше призванию.

У Иисуса могло быть и ещё одно соображение. Неудача проповеди Царства доказывала, как далеки люди от Бога – Любящего Отца, желающего обнять Своих блудных сыновей. По существу Бог-Отец оставался непонятым в этом мире, отвергнутым, распятым, и это не могло не причинять Ему глубоких страданий. Отец Небесный страдал, как страдал в притче отец, брошенный своими чадами, как страдает всякий любящий, чья искренняя любовь с презрением отвергается. В этом случае логика любви к Отцу не могла не привести Иисуса на Крест. Там, где распят Отец, должен быть распят и Сын!

Вместе с тем, мы можем сформулировать ответ и на поставленный раньше вопрос: «Где был Отец, когда Его Возлюбленный Сын подвергался бичеванию, глумлению, в страшных муках умирал на кресте?» Этот ответ достаточно прост, хотя и в высшей степени парадоксален: конечно же, был рядом с Сыном и страдал вместе с Ним! Если Отец не мог избавить Сына от страданий, то и покинуть Его тоже не мог!

Неужели Бог мог отвернуться от Иисуса, творившего Его волю, безмерно любящего Его? Неужели мог оставить Сына в критическую минуту одного? Неужели мог дать трещину фундамент Любви, составляющей сущность Бога (ср. 1 Ин 4, 8)?

Страдания Сына – это и страдания Отца. Разве родители остаются безучастными при виде мучений своего ребёнка, при виде угрожающей ему смертельной опасности? Они изо всех сил постараются облегчить его боль, а если это невозможно, разделят её. Бог страдал там, где страдал Иисус… Он умирал там, где умирал Иисус…

В падшем мире, в мире искажённых представлений о Боге и человеке, Распятие остаётся наиболее адекватным символом Бога и Его Любви, той Любви, которая связывает Отца и Сына и изливается на всё творение. Божественная Любовь распята грехом человека, не желающего знать Своего Создателя, отворачивающегося от Него, пренебрегающего Его заповедями, отвергающего возможность примирения. Завершая Своё земное служение, Иисус превратил этот символ в реальность. В конечном счёте, наш Господь осознанно, по вольной воле, выбирает смерть от рук противников. Теперь Его судьба всецело в руках любящего Отца, Бога, воскрешающего мёртвых. Несмотря на тяжкие духовные, а потом и физические муки, Иисус верует, что Его поражение может обернуться победой, скорбь – радостью, а смерть – жизнью: «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять её. Никто не отнимает её у Меня, но Я Сам отдаю её. Имею власть отдать её и власть имею опять принять её. Сию заповедь получил Я от Отца Моего»[1].

Итак, закончив Своё земное поприще на кресте, Сын сделал всё, что, согласно Его же Собственному пониманию, мог и должен был сделать. Теперь настала очередь высказаться Отцу. И Его ответом стало Воскресение.

Благовестие Пасхи

Едва ли можно вообразить более резкий контраст, нежели тот, который имел место между Страстной Пятницей и Первым Днём Недели, между кризисом веры в Иисуса как Мессию и Провозвестника Божия Царства и последующим бесстрашным свидетельством апостолов о Его Воскресении и Вознесении в небесную славу.

Невозможно рационально совместить бегство учеников, оставивших Иисуса один на один с судьями и палачами, и их послепасхальную ревность проповедников и мучеников. Переход от катастрофы Страстной Пятницы к славному триумфу Воскресения нельзя объяснить естественными причинами, например, остатками энтузиазма учеников, возбуждённого деяниями земного Иисуса, в сочетании с новой интерпретацией ветхозаветных текстов, говорящих о воскресении умерших праведников[2].

Совершенно определённо, смерть Иисуса, допущенная Богом, первоначально казалась ученикам несовместимой с Его посредническими и мессианскими претензиями. Несмотря на прямые свидетельства земного Иисуса, Его последователи до последнего момента отказывались принять такую перспективу[3]. И в этом нет ничего удивительного, ибо обще-иудейские мнения и ожидания имели власть и над умами тех, кто решил связать свою судьбу с Иисусом.

---

[1] Ин 10, 17-18.

[2] Среди таких текстов: Дан 12, 2; 2 Макк 7, 9.14; 12, 43; Прем 3, 1. 4.

[3] Ср. в этой связи Лк 9, 45 и 18, 34: слово о страданиях Мессии оставалось закрытым для учеников.

Кроме того, все они хорошо помнили слова Закона: «Проклят пред Богом всякий повешенный на дереве»[1]. Даже пишущие спустя десятилетия апостол Павел[2] и евангелист Лука[3] процитируют это изречение-приговор, хотя и дадут ему иную, христианскую интерпретацию.

Итак, перед лицом очевидного поражения Иисуса, Его, с точки зрения современников, позорной смерти прежняя вера учеников, как и отвлечённые размышления над текстом Писания, выглядят слишком слабым аргументом. Бездна Страстной Пятницы могла быть упразднена лишь неслыханным доселе актом Божия всемогущества.

Провозвестником же подобного акта вновь стал Сам Иисус, явившийся ближайшим последователям, как живой, спасённый Богом и прославленный **Господь** – Посредник (несмотря на все усилия врагов) непобеждённого Царства. Таким образом, следует говорить о **Пасхальном Событии** – явлениях Христа Воскресшего свидетелям, которые затем возвестили об этом всем прочим людям.

[1] Втор 21, 23. Согласно этому тексту, смерть на древе (через повешение, распятие) доказывала, что претерпевший её человек неугоден Богу, проклят Им.

[2] Гал 3, 13.

[3] Деян 5, 30.

Сопоставляя рассказы о явлениях Воскресшего Иисуса, содержащиеся во всех четырёх Евангелиях, нетрудно заметить, что они расходятся в деталях. И в этом нет ничего удивительного. Подобно рассказам о Рождестве Иисуса, они были записаны новозаветными авторами спустя несколько десятилетий после происшедших событий, на основании сложившихся в церковной среде преданий. Сами же предания восходили к воспоминаниям различных очевидцев, выделяющих то одну, то другую сторону Великого Чуда Пасхи. Рассмотрим евангельские свидетельства о Воскресении подробнее.

Во всех Евангелиях первыми свидетелями явлений Воскресшего названы женщины, пришедшие с Иисусом в Иерусалим из Галилеи.

В Мк 16, 1-8 ко гробу отправляются три женщины: Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия. Их цель – помазать тело Иисуса благовониями. Они обнаруживают, что гроб, пещера с приваленным к её входу большим камнем, открыт. Во гробе тела Иисуса уже не было. Зато там оказался юноша, одетый в белую одежду, который и сообщил пришедшим женщинам о Воскресении Иисуса. Он дал им задание призвать учеников последовать на родину – в Галилею, где Воскресший Иисус явится им лично. Однако женщины не выполнили этого требования: «Их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись».

В Мф 28, 1-10. 16-20 ко гробу отправляются не три женщины, как у Марка, а только две Марии. Их цель – посмотреть гроб. Существо в белой одежде названо здесь Ангелом Господним. Он сам открывает гроб, отваливая камень от его входа, а затем восседает на камне. Как и у Марка, Ангел возвещает женщинам о Воскресении Иисуса и велит им призвать апостолов последовать в Галилею. Женщины, испытывая не только страх, но и великую радость, спешат исполнить поручение. Однако прежде, чем они встретились с апостолами, им явился Сам Иисус и повторил повеление, переданное Ангелом: «Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня».

Одиннадцать апостолов[1] отправляются в Галилею, где Иисус является им на некой горе, как всесильный Господь («дана Мне всякая власть на небе и на земле»), и даёт им поручение: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам»[2]. Поручение подкрепляется обетованием – «Се, Я с вами во все дни до скончания века».

В Евангелии от Луки (Лк 24) ко гробу отправляется целая группа женщин: «Мария Магдалина, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними». Во гробе они видят двух мужей в одеждах блистающих, которые говорят им о Воскресении Иисуса, ссылаясь на Его прежнее пророчество, произнесённое в Галилее. Женщины возвещают радостную весть одиннадцати и всем прочим, но те им не верят. Всё же, апостол Пётр отправляется ко гробу и обнаруживает его пустым.

---

[1] После предательства Иуды группа Двенадцати превратилась в группу Одиннадцати.

[2] В церковной традиции это повеление Воскресшего Иисуса называется ***великим миссионерским поручением***.

Затем Иисус является двум путникам, следующим из Иерусалима в Эммаус. Путники возвращаются в Иерусалим, чтобы поделиться пережитым с апостолами, и от них узнают, что за это время Воскресший явился Симону (Петру). И в этот момент Сам Иисус является Одиннадцати и прочим ученикам, даёт им великое миссионерское поручение, и непосредственно после этого возносится на небеса. Все эти события разворачиваются в Иерусалиме и его окрестностях.

В Деян 1, 1-11 Лука корректирует собственную информацию. Согласно этой версии, Воскресший Иисус являлся ученикам многократно «в продолжении сорока дней и говорил о Царствии Божием». Вознесение Иисуса на небеса относится здесь к 40-му дню после Его Воскресения.

В Евангелии от Иоанна (Ин 20, 1-29) Мария Магдалина отправляется ко гробу одна и обнаруживает его пустым. Она сообщает об этом Симону Петру и другому ученику (видимо апостолу Иоанну). Оба бегут ко гробу и убеждаются, что тела Иисуса в нём нет. Вернувшаяся ко гробу Мария Магдалина переживает явление двух ангелов в белом одеянии, а затем – Самого Иисуса, Который велит ей сообщить ученикам («братьям Моим») о Своём восхождении «к Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему».

В тот же первый день недели Воскресший является в Иерусалиме ученикам без Фомы, преподаёт им Духа Святого и поручает им миссию прощения грехов. На восьмой день Иисус является ещё раз, специально для того, чтобы развеять сомнения отсутствовавшего в прошлый раз Фомы.

В Ин 21, 1-23 апостолы вдруг оказываются в Галилее, где возвращаются к своему прежнему занятию – рыболовству. После целой ночи изнурительного труда, не принесшего никаких результатов, на берегу появляется таинственная фигура. Следует предложение закинуть сети ещё раз; после того, как сети наполнились рыбой, ученики понимают, что перед ними – Господь. Затем следует диалог Иисуса с Петром, в котором тот получает от Господа поручение «пасти овец Моих».

По единодушному мнению современных исследователей Библии, фрагмент Мк 16, 9-20, повествующий о явлениях

Воскресшего, не принадлежит перу Марка, и является позднейшей вставкой. В нём в краткой форме воспроизводятся сюжеты, уже известные нам из других Евангелий: явления Марии Магдалине, путникам по дороге в Эммаус, одиннадцати ученикам, а также великое миссионерское поручение.

Официальным свидетельством ранней Церкви о Воскресении Иисуса можно считать отрывок, приведённый апостолом Павлом в 1 Кор 15, 3-5:

> *«Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребён был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати…*[1].

Апостол дополняет его другой, известной ему лично информацией о явлениях Воскресшего[2]: «Более нежели пятистам братьям в одно время», Иакову[3], «всем апостолам»[4]. Своё собственное переживание по дороге в Дамаск Павел также относит к таким явлениям.

Несмотря на отдельные различия и кажущиеся противоречия, у нас нет никаких сомнений, что в основе всех рассказов лежат достоверные исторические факты. В частности, не могло быть выдумано то обстоятельство, что первыми провозвестниками радостной вести о Воскресении были женщины.

Дело в том, что в античном мире, – как у иудеев, так и у римлян, – свидетельство женщины не считалось достоверным.

---

[1] Эти стихи отличаются лексически и стилистически от обычной писательской манеры Павла. Кроме того, они предваряются формулой: «Передал вам, что и сам принял». Итак, Павел перенял данное свидетельство от самых первых христианских общин вскоре после своего личного обращения. Большинство библеистов считает, что здесь перед нами отрывок из наиболее древнего христианского *исповедания веры*. Вероятно, оно передавалось в устной форме и сообщалось тем, кто хотел присоединиться к общине. Возможно, оно читалось и во время первых христианских богослужений – *преломления хлеба* (ср. Деян 2, 42. 46), т.е. Евхаристической трапезы.

[2] 1 Кор 15, 5-9.

[3] Речь идёт об *Иакове, брате Господнем*, возглавлявшем Иерусалимскую христианскую общину.

[4] В раннехристианской Церкви наименование «апостол» относилось не только к членам группы Двенадцати, но и к значительно более широкому кругу лиц.

Женщины не могли принимать участия в судебных тяжбах. Если бы некто стал настаивать на достоверности каких-то событий, ссылаясь на свидетельство женщин, его бы просто подняли на смех. По этой причине в официальном церковном свидетельстве о Воскресении (1 Кор 15, 3-5) о явлениях Христа женщинам не было упомянуто вовсе. С другой стороны, если бы евангельские рассказы о Воскресении представляли собой позднейшую легенду, сочинившие её авторы сделали участниками происходящего более авторитетных лиц.

И всё же, разногласия в эпизодах остаются и затрудняют цельное восприятие всей картины. В связи с этим некоторые исследователи предлагают следующую гипотетическую реконструкцию событий, происшедших после казни Иисуса.

Утром первого дня недели женщины обнаружили открытый и пустой гроб[1], о чём сообщили апостолам[2]. Возможно, некоторые из них (или одна Мария Магдалина) пережили некое

[1] Мк 16, 4; Лк 24, 2-3; Ин 20, 1.

[2] Лк 24, 11-12; Ин 20, 2-10.

чудесное явление ангелов[1], а затем – и Самого Иисуса[2], о чём также рассказали ученикам[3]. Однако эти их свидетельства не произвели впечатления[4]. Потрясённые пережитым, подвергающиеся насмешкам женщины весьма неохотно говорили об увиденном[5]. Тем временем Пётр (возможно – и другой ученик) лично отправился ко гробу и убедился, что он пуст[6].

И всё-таки разочаровавшиеся в Иисусе ученики[7] ещё не были готовы поверить в Его Воскресение[8]. Они бежали[9] на свою родину, в Галилею, и вернулись к прежним занятиям[10]. Однако впоследствии им довелось пережить ряд встреч с Воскресшим Иисусом[11], что побудило их вернуться в Иерусалим и начать свидетельствовать о Нём.

В ходе становления церковной традиции Галилейские предания были перенесены на Иерусалимскую почву[12] и дополнены некоторыми местными преданиями, например, рассказом о явлении Христа Эммаусским путникам[13]. Пишущий сравнительно поздно Лука, по-видимому, уже ничего не знал о явлениях в Галилее[14].

Интересным является и свидетельство апостола Павла о явлении Воскресшего «более нежели пятистам братьям в одно время, из

---

[1] Мк 16, 5; Лк 24, 4. 22-23; Ин 20, 12.

[2] Мк 16, 9; Мф 28, 9-10; Ин 20, 14-17.

3 Мк 16, 10; Лк 24, 10; Ин 20, 18.

[4] Мк 16, 11; Лк 24, 11.

[5] Мк 16, 8.

[6] Лк 24, 12; Ин 20, 3-10.

[7] Лк 24, 21.

[8] Мк 16, 14.

[9] Мк 14, 50; Мф 26, 56.

[10] Ин 21, 3.

[11] Мф 28, 16-20; Ин 21, 1-14; Деян 1, 3.

[12] Лк 24, 36-53; Ин 20, 19-29; Мк 16, 14-20.

[13] Лк 24, 13-32; Мк 16, 12-13.

[14] Согласно версии Луки, Воскресший Христос повелевает Своим ученикам никуда не отлучаться из Иерусалима (Деян 1, 4). Лука, вероятно, знал текст Евангелия от Марка. При этом он изменил содержащийся у Марка призыв *идти в Галилею* (Мк 16, 7), превращая его в пророчество Христа о Своём Воскресении, *произнесённое в Галилее* (Лк 24, 6).

которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили», содержащееся в 1-ом Послании к Коринфянам[1], написанном в середине 50-х годов I столетия, т.е. спустя четверть века после указанных событий. Для этого явления нет аналога в Евангелиях, что отчасти представляется странным. Как могло столь значительное происшествие, имевшее место при стольких свидетелях, не найти своего отражения в преданиях, которыми пользовались евангелисты? Между тем, у евангелиста Луки мы встречаем рассказ ещё об одном событии, происшедшем при многих свидетелях, – излиянии Духа в день Пятидесятницы[2] в Иерусалиме.

Заметим в этой связи, что Павел ссылается на живых (а не покойных) свидетелей, к показаниям которых вполне можно обратиться. Такая возможность четверть века спустя косвенно предполагает, что большинство этих свидетелей пребывали в одном месте, а таким местом, в контексте раннего христианства, мог быть только Иерусалим. Итак, событие явления Христа «более нежели пятистам братьям» и событие Пятидесятницы связаны ещё и единством места.

Такого рода соображения побудили некоторых исследователей высказать гипотетическое предположение, согласно которому явление пятистам (1 Кор 15, 6) и излияние Духа в день Пятидесятницы (Деян 2, 1-13), в действительности, – это одно и то же событие, отражённое в разных преданиях. В пользу этого свидетельствует и Ин 20, 22 («примите Духа Святого»), в котором явление Воскресшего и дарование Духа взаимосвязаны.

Итак, вероятно, что некоторые Иерусалимские явления Воскресшего проходили при большом стечении людей и сопровождались экстатической[1] молитвой присутствующих в силе Духа и другими необычными явлениями. В ходе становления устной традиции рассказы о них акцентировали то одну (явление Воскресшего), то другую (излияние Духа) сторону происшедшего.

---

[1] 1 Кор 15, 6.

[2] Деян 2, 1-13.

[3] *Экстатический* – прилагательное от слова *экстаз*. *Экстаз* – высшая степень воодушевления, восторга, связанная с выходом за пределы обычного самоощущения.

По замечанию одного из современных библеистов, с пережившими это людьми случилось нечто, о чём они с полной убеждённостью могли сказать: «Мы видели Господа». Со всей определённостью, речь здесь идёт не о каком-то внутреннем опыте, вроде благочестивого или нравственного размышления, но о вполне конкретных, локализованных во времени происшествиях, которые, вместе с тем, имели абсолютно неслыханный, уникальный, неповторимый характер.

Теперь настало время подвести итог.

Содержащиеся в Новом Завете рассказы о явлениях Воскресшего Иисуса – это некий набор различных эпизодов, не всегда связанных между собой. И всё же, у каждого непредвзятого читателя не может не сложиться твёрдого убеждения в том, что участники описываемых событий пребывали в непоколебимой уверенности в явлении живого Господа!

Ученики были абсолютно уверены, что видели Самого Иисуса. Они снова обрели ту личную связь, те отношения

с Ним, которые, казалось, были утрачены накануне Его казни. Те, кто прошёл сквозь разочарование Страстной Пятницы, встретившись с Воскресшим, стали иными людьми – основоположниками нового, стремительно распространявшегося религиозного движения.

Разумеется, всё сказанное остаётся лишь предположением. Мы не знаем в точности всех деталей явления Воскресшего. Но куда важнее другое. Благодаря неустрашимым и ревностным свидетелям по миру разнеслась Благая Весть: Христос воистину воскрес! И это – не просто эмпирический[1] факт. Воскресение Иисуса означает доселе небывалое Откровение Бога – Того Бога, в Которого уверовали первые христиане, Того Бога, в Которого призваны уверовать и мы.

Ныне Господь открывает Себя людям, как Тот, Кто воскресил Христа из мёртвых[2], тогда как в Ветхом Завете Он был известен как Бог, выведший Израиля из земли Египетской. Он являет Себя, как Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа[3]. Тем самым, Он свидетельствует об Иисусе – Посреднике Божия Царства, жившем в мире, как человек во плоти[4], – как о Сыне Божием, открывшемся в силе Воскресения[5], как о Господе и Мессии, Которому предоставлена вся полнота власти[6], иначе говоря, как о равном Себе Боге[7].

Отныне Бог нашей веры – это не только Отец. Бог – это Отец и Сын в их единстве. Это единство открывается в действии третьего Божественного Лица – Святого Духа, действии, которое станет живым опытом послепасхальной общины учеников Иисуса. Обо всём этом мы теперь поговорим подробнее.

---

1 *Эмпирический* – основанный на фактах, доступных органам чувств и могущих быть предметом бесстрастного научного изучения.

2 Гал 1, 1; Рим 4, 24; 8, 11; 2 Кор 4, 14; Еф 1, 20; Кол 2, 12.

3 2 Кор 1, 3; 11, 31; Еф 1, 3; Кол 1, 3; 1 Петр 1, 3.

4 Рим 1, 3; 8, 3; Гал 1, 16; 4, 4; Флп 2, 6-7; Деян 13, 33.

5 Рим 1, 4.

6 Мф 28, 18; Флп 2, 9. 11; 1 Кор 15, 28; Деян 2, 32. 36; 5, 30 и др.

7 Ин 20, 28; 1 Ин 5, 20.

Распятый и Воскресший

Апостол Пётр, произнёсший в Иерусалиме в день Пятидесятницы проповедь о Воскресении Иисуса (Деян 2, 14-36), закончил её следующими словами: «Итак твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли». Та же мысль о тождественности Распятого Иисуса из Назарета и Воскресшего Христа – Господа и Спасителя[1] всех людей – звучит в уже процитированном отрывке из раннего исповедания веры в 1 Кор 15, 3-5. Его текст построен по принципу параллелизма, где элементы, касающиеся Смерти и Воскресения, соответствуют друг другу:

Христос

A	умер	A’	и воскрешён
B	за грехи наши,	B’	в третий день,
C	по Писанию	C’	по Писанию
D	и был погребён	D’	и явился Кифе, потом Двенадцати…

Итак, Смерть Христа обретает своё спасительное значение лишь в свете Его Воскресения. Более того, Смерть и Воскресение являются **одним Спасительным Событием**, а их Субъект – Один и Тот же: Распятый и есть Воскресший. Кифе, потом Двенадцати, явился не призрак, не ангел, не дух, но живой Учитель – Тот, Кто ходил с ними по пыльным дорогам Галилеи. Тот, Кто сидел с ними за общим столом. Тот, Кто рассказывал им притчи и учил со властью. Тот, Кого они видели униженным, избитым, оплёванным, а потом – распятым. По свидетельству Евангелий, Воскресший Иисус позволяет Своим ученикам прикоснуться к Своим ранам, чтобы ещё раз подтвердить: «Я – Тот же».

Здесь необходимо отметить, что русский перевод отрывка 1 Кор 15, 3-5 не раскрывает всех смысловых нюансов греческого

[1] *Спасение* на языке Библии подразумевает возможность жить в мире с Богом, с самим собой и другими людьми; свободу от физической смерти, от различных форм внешнего и внутреннего принуждения; установление истинной справедливости. Иисус Христос, открывший нам путь Спасения, является *Спасителем*.

оригинала того же текста. В греческом языке глаголы прошедшего времени могут употребляться в различных грамматических формах, каждая из которых связана со своим оттенком смысла.

В данном случае глаголы «умер», «был погребён», «явился» употреблены в *аористе*. В греческом языке эта форма глагола описывает однократное событие, реально имевшее место в прошлом. Зато глагол «воскрешён» дан в *перфекте*. Это – тоже форма прошедшего времени глагола. Однако она указывает на длящееся событие – то, которое прямо связано с настоящим. Иначе говоря, глаголы в перфекте описывают такие прошедшие события, результаты и следствия которых присутствуют здесь и теперь, они есть, они видны, они налицо.

Таким образом, смерть Иисуса, как и Его явления после смерти ученикам – это реальные исторические события, имевшие место в определённое время в прошлом (предположительно – в апреле-мае 30 г.[1]), зато Воскресение Христово принадлежит не времени, но вечности, оно – *не воскрешение трупа для земной жизни, но вхождение в славу Отца*. По этой же причине оно остаётся одинаково актуальным для всех времён: Воскресший Иисус – не только современник апостолов, но и наш Современник, Он жив и реален для всех людей во все века, как жив и реален для всех людей Сам Бог!

Первые христианские проповедники выразили эту открывшуюся им истину с помощью образов, заимствованных из ветхозаветной традиции. Так, в качестве метафоры, использовалась идея общности трона, где восседающий одесную Бога Иисус выступал в качестве Его Соправителя. В данном случае образцом могли быть уже упомянутый нами псалом 2, а также псалом 110 (109):

> *«Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Жезл силы Твоей пошлёт Господь с Сиона: господствуй среди*

---

[1] Датировать событие Распятия Иисуса на шкале исторического времени позволяет информация, содержащаяся в Евангелии от Иоанна, согласно которой в тот год праздник иудейской Пасхи приходился на субботу (ср. Ин 18, 28; 19, 31). Соответствующие расчёты показывают, что подходящей датой могло бы быть 7 апреля 30 г. по принятому теперь летосчислению.

врагов Твоих. В день силы Твоей народ Твой готов во благолепии святыни; из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твоё. Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека».

Псалмы 2 и 110 цитируются в Послании к Евреям, где Иисус назван Первосвященником по чину Мелхиседека (Евр 4, 14 – 5, 10). В Ветхом Завете сыны Аарона, священники Иерусалимского храма, приносили жертвы Единому Богу в знак благодарности за полученные от Него благодеяния, и в умилостивление за грехи избранного народа. Таким образом, они примиряли Израиль с Богом. На самом же деле, кровавые ветхозаветные жертвы лишь напоминали человеку о его грехе, «ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и волов уничтожала грехи» (Евр 10, 3-4).

Подлинной угодной Богу Жертвой человека могла стать лишь Крестная Смерть Христа. Принёсший её Иисус по праву именуется Первосвященником. Он – Священник и Жертва в одном лице! Но уже не священник «по чину Аарона», чьё служение осталось в прошлом, а Священник «по чину Мелхиседека», чьё священство имеет непреходящий характер (см. Послание к Евреям, глава 7). В качестве ветхозаветного символа нового Христова Священства автор Послания к Евреям избирает таинственную фигуру царя и священника Бога Всевышнего Мелхиседека, которого когда-то почтил дарами отец всех верующих Авраам (см. Быт 14, 17-20).

В Воскресении Иисус входит на небеса, в совершенное общение любви с Отцом. Отныне Они Вдвоём – нераздельно – будут продолжать дело Царства на земле. Эту истину евангелист Лука выражает с помощью символа Вознесения. От него мы узнаём, что во время последней встречи с учениками Иисус благословил их и вознёсся на небо (Лк 24, 51 и Деян 1, 4-11). Иисус восходит к Отцу в присутствии учеников, и облако скрывает Его от их глаз. Как и в рассказах о Воскресении, Божии вестники – ангелы – поясняют ученикам смысл происходящего.

Лука не случайно использует слово «облако», с которым в Ветхом Завете связывались важнейшие богословские ассоциации. Так, согласно Книге Исход, облако сопровождало Израиль во время его сорокалетнего странствия по пустыне[1]. Оно покрывало гору Синай, на которой Моисею был дарован Закон для Израиля[2]. То же облако сошло на гору Сион, в святилище, построенное царём Соломоном[3].

На языке Ветхого Завета «облако» обозначает границу естественного познания и вводит в область тайны – сферу Божия всемогущества, Его Откровения, Самого Его присутствия[4]. Оно – словно бы тень, являющая на земле сокровенный свет Славы Божией.

Итак, в сообщении Деяний речь идёт не о пространственном перемещении Иисуса, а облако – это вовсе не метеорологическое явление. Воскресший Господь не переносится на небеса, как в

---

[1] См. Исх 40, 34-38; Числ 9, 15-23.

[2] См. Исх 19, 16-20; 24, 15-18.

[3] 3 Цар 8, 10-13.

[4] Ср. Исх 13, 21.

заранее приготовленное помещение; не взбирается по крутой тропинке на мифический Олимп, где обитают боги. Здесь перед нами – образный язык, свидетельствующий об основополагающей истине, о том, что Иисус завершил историю Своей земной жизни, войдя в близкие, неповторимые, абсолютные и вечные **Отношения с Богом**, как Небесным Отцом.

Эта истина засвидетельствована на страницах Нового Завета неоднократно. Иисус, «восшед на небо, пребывает одесную Бога и… [Ему] покорились Ангелы и власти и силы»[1]. Бог воскресил Иисуса из мёртвых и «посадил одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и всё покорил под ноги Его…»[2]. «Бог превознёс Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца»[3].

При всём том прославленный, превознесённый Христос остаётся Распятым. Именно так называет уже воскресшего Иисуса Ангел в Евангелии от Матфея[4]. Павел, свидетельствуя о Воскресении Христа, говорит о Распятом[5]. Не только факт Воскресения, но и факт Распятия – в том, что касается его духовного смысла и значения – принадлежит вечности. Не только в Воскресении, но и в Распятии Бог открыл человеку, Кто Он есть на самом деле, иначе говоря, выразил Свою Сущность. В Новом Завете эта истина иллюстрируется многими рассуждениями, из которых мы приведём лишь два, кажущихся нам самыми яркими и убедительными.

Для Богодухновенных авторов существование человека, не знающего Христа[6], отмечено радикальным отчуждением от Бога,

---

[1] 1 Петр 3, 22; ср. 1 Тим 3, 16.

[2] Еф 1, 20-22.

[3] Флп 2, 9-11.

[4] Мф 28, 5.

[5] Ср. 1 Кор 1, 23; 2, 2; Гал 3, 1 и др.

[6] В этой связи апостол Павел говорит о «существовании в Адаме», в котором человек обречён на смерть. Ср. 1 Кор 15, 22; Рим 5, 12-14.

отсутствием Бога в человеческом сердце, делах, поступках... Это состояние в христианской традиции называется первородным грехом. Оставаясь во власти греха, человек не в состоянии совершить самостоятельный поворот к Богу, а потому Бог, любящий человека, Сам выступает инициатором Спасения.

«Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление»[1]. Сын Божий «стал подобен нам во всём, кроме греха»[2]. Христос – Сын Божий – взял на Себя весь ужас земной ситуации человека, вплоть до мученической смерти, и испил эту чашу до конца. Он сделал это исключительно добровольно[3], только ради нас.

В Послании к Евреям Иисус представлен как Священник и Жертва одновременно, Он без остатка отдаёт Себя Отцу и, по Его воле, приносит Себя для Спасения людей. Таким образом, Он становится абсолютным Ходатаем и Посредником, примиряет нас с Богом[4]. Последним аккордом этого примирения является славное Воскресение.

Итак, Бог идёт вместе с человеком вплоть до крайней черты утраты Бога, чтобы вернуть Себя человеку, а человека – Себе. Дальше Божественная любовь распространиться просто не могла. Отныне всякий, кто с верой примет Жертву Христа – это новое творение во Христе[5], сын Божий[6] и причастник Божественного естества[7].

В Евангелии от Иоанна не только Воскресение, но и Крест являет славу Божию. «Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»[8]. Сын совершил дело Отца

---

[1] Гал 4, 4-5.
[2] Евр 4, 15.
[3] Ин 10, 17-18.
[4] Ср. 2 Кор 5, 18-21.
[5] 2 Кор 5, 14-17.
[6] Гал 4, 5-7.
[7] 2 Петр 1, 4.
[8] Ин 3, 16.

– умер за людей на Кресте[1] – и, тем самым, прославил Отца. Также и Отец прославил Сына[2]. Отныне Он, – вознесённый на Крест и Воскресший, – всех привлечёт к Себе[3], привлечёт не насилием, но всепобеждающей любовью.

Именно на Кресте становится понятным подлинный смысл имени Божия «Сущий» или «Я есмь», под которым Бог некогда открылся Моисею (Исх 3, 14; об откровении имени Божия Моисею мы рассказали в 3-ей тетради). Теперь это имя следует читать: «Я есмь для вас». В этом – смысл того нового имени Бога, Его сокровенного существа, которое Иисус возвестил людям[4]. Возвестил не только Своим учением, но и всей Своей жизнью, и, прежде всего, – Самим Крестом Своим.

Современные богословы используют в этой связи понятие Божия-бытия-для. ***Для нас*** живёт Сын, вся жизнь Которого стала непрерывным актом служения Богу-Отцу[5] и людям[6]. ***Для нас*** живёт и Отец, пославший Сына Своего в мир, чтобы не судить, но спасти его[7]. ***Для нас*** живёт и Святой Дух, приводящий людей к Отцу и Сыну и освящающий их изнутри (о Святом Духе мы расскажем чуть ниже). Как это ни парадоксально звучит, но Бог есть *для человека*, живёт *для человека*, служит *человеку*.

«Быть для», жить для другого, служить ему – значит любить, а потому сущность Бога – это ***Любовь***[8]. Уважая свободу творения, Бог может добровольно ограничить Своё всемогущество, Он может и вовсе оказаться бессильным, как Иисус на Кресте. Лишь от одного Бог никогда не захочет и не сможет отказаться, – от Любви. Именно в этом Откровении Бога – в

---

[1] Ин 19, 30.

[2] Ин 13, 31-32.

[3] Ин 12, 32.

[4] Ин 17, 6. 26. «Я открыл имя Твоё человекам, которых Ты дал Мне от мира… И Я открыл им имя Твоё и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них».

[5] Ин 4, 34.

[6] Мк 10, 45; Лк 22, 27; Ин 13, 13-14.

[7] Ин 3, 17.

[8] 1 Ин 4, 8-10.

Любви – радикальная новизна христианства, его отличие от иных, ранее существовавших и теперь существующих религий.

Итак, Распятие и Воскресение – неразрывное целое, грани одного и того же события. И в этом событии первые христиане совершенно справедливо увидели шанс радикально новых отношений между Богом и человеком. Благодаря Распятию и Воскресению Иисуса Христа, всё человечество вместе со своей историей оказалось в совершенно ином, чем прежде положении по отношению к Богу – Отцу и Сыну – и Их Царству.

В человечестве Распятого и Воскресшего Иисуса Бог отныне и навсегда остаётся *Присутствующим-для-нас* – Богом с нами. Тех, кто захочет ответить на Его призыв, Он введёт в реальность Своего Царства, в непосредственную близость с Собой. Это вхождение осуществляется силой Святого Духа. Опыт схождения Духа, жизни в Духе стал непосредственным и самым первым по времени плодом Христовой Пасхи.

Святой Дух

Опыт духа Божия был уделом Израиля ещё в Ветхозаветные времена. Дух Бога – это та сила, благодаря которой присутствие Божие становится видимым и ощутимым. Бог сотворил мир не только Своим словом, но и духом уст Своих[1].

Дух Божий сходил на пророков Израиля, благодаря чему в их сознании рождалось слово, которое они затем возвещали народу[2]. Дух руководил и процессом записи Богооткровенного слова для последующих поколений, именно таким образом на свет появились Священные Писания[3].

Книга Судей описывает, как вожди древнего Израиля в силе духа совершали подвиги ради освобождения избранного народа от чужеземного порабощения. Наконец, Дух от

[1] См. Пс 33 (32), 6.

[2] Ср. 2 Петр 1, 21.

[3] Ср. 2 Тим 3, 16.

Бога должен был наполнить ожидаемого Мессию[1] и весь народ в последние времена. «И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего», – читаем мы в Книге пророка Иоиля (Иоил 2, 28-29).

Современники Иисуса видели в Нём Пророка[2], то есть человека духа. Сам Иисус связывал Свои исцеления и изгнания бесов с силой присутствующего в Нём духа[3]. По глубокому убеждению первых учеников, как зачатие Иисуса во чреве Марии, так и Его Воскресение было делом Божия Духа[4]. И всё же, полнота Откровения Бога в Духе – это именно плод Пасхи. Как раз об этом свидетельствуют евангелист Иоанн[5] и Деяния Святых Апостолов[6]

Обратимся к употреблению слова «дух» в нашей обыденной речи. Словарь русского языка[7], в числе прочих, даёт следующие значения:

1. Психические способности, мироощущение, сознание, мышление. Например: *В здоровом теле здоровый дух. Болен дух. Свободный дух. Дух, погружённый во что-либо.*
2. Внутреннее состояние, моральная сила человека или коллектива. Например: *Дух войска. Подъём духа. Упадок духа. Бодрость духа.*
3. Основное направление, характерные свойства, сущность чего-либо. Например: *Дух эпохи. Дух времени. Дух народа.*
4. Какое-либо начало, определяющее поведение, образ мыслей и т.д. Например: *Кастовый дух. Воинственный дух. Дух ответственной дисциплины. Дух освобождения.*

---

[1] Ис 11, 1-9.

[2] См., например, Лк 24, 19.

[3] Ср. Мф 12, 28; Лк 8, 46; Ин 7, 37-38.

[4] Лк 1, 35; Рим 1, 3-4; 8, 11.

[5] Ин 7, 39; 16, 7; 20, 22.

[6] Деян 2, 1-21.

[7] Словарь русского языка, М. 1981, т. I. С. 455.

Все эти значения присутствуют и в новозаветном термине «дух». Дух Святой, излившийся на учеников после Воскресения, это общий дух Отца и Сына[1], а, следовательно, общее для Них сознание, мышление, самоощущение, то, что выражает Их сокровенную внутреннюю сущность.

Апостол Павел говорит: «Дух всё проницает, и глубины Божии… Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор 2, 10-11). И вот, этот общий Отцу и Сыну Дух стал достоянием человека. Благодаря Его действию ученики смогли отождествить Распятого Иисуса с Воскресшим Христом и от всего сердца исповедать Его Господом, безраздельным Господином своей жизни: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор 12, 3).

Действующий в учениках Святой Дух стал новым началом их жизни, а потому рождённый от Духа[2] является новым

[1] Ср. Мф 10, 20; Ин 14, 26; 15, 26; Гал 4, 6; Рим 8, 9-11.

[2] Ср. Ин 3, 5; Тит 3, 5.

творением[1]. Отныне он «имеет ум Христов»[2], иначе говоря, способен воспринимать Бога, мир, людей и события так, как воспринимал их Христос. Он вступил с Богом в отношения сыновства – те отношения, которые были возвещены Иисусом в Его проповеди[3].

Вся жизнь во Христе отныне должна стать плодом принятого Духа. Апостол Павел перечисляет её конкретные проявления: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание[4]. Тот, кто живёт по Духу, уже не нуждается во внешней диктатуре заповедей и моралистических предписаний[5], а потому плод Духа – жизнь вечная[6], жизнь в свободе и любви[7].

В Духе Отца и Сына спасительное для нас событие Иисуса становится нашим внутренним достоянием; не только извне проповеданным авторитетным учением, но и качеством самой нашей личности. «Вы не по плоти живёте [т.е. не так, как живут люди, не знающие Бога, или имеющие о Нём искажённые представления], а по духу, если только Дух Божий живёт в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим 8, 9).

Притом Дух Святой не только наполняет сердца отдельных учеников. Отныне Он становится духом общины верующих, вдохновляя свидетельство[8], направляя миссию[9], помогая принимать важные для жизни Церкви решения[10].

Подводя итог, можно утверждать следующее: если суть Откровения Бога во Христе – это новые отношения Бога

---

[1] 2 Кор 5, 17; Гал 6, 15.

[2] 1 Кор 2, 16.

[3] Рим 8, 15-16: «Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!». Сей самый дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии».

[4] Гал 5, 22.

[5] Гал 5, 23-24.

[6] Гал 6, 8.

[7] Гал 5, 1-6. 13-14.

[8] Деян 4, 31; 7, 55-56; 10, 44; 13, 9.

[9] Деян 13, 2. 4; 16, 6-10.

[10] Деян 15, 28. 7 Гал 6, 8.

и человека, то по-настоящему реальными, исполненными жизненной силы они становятся именно в Духе.

Однако вдохновляемая тем же Духом богословская мысль первых христиан идёт дальше. Оказывается, Дух Святой – не просто посылаемая Богом сила, но и Божественная Личность, незримо присутствующая в мире и в человеческом сердце, только Ей ведомыми путями приводящая людей к Сыну и Отцу.

В четырёх отрывках из Евангелия от Иоанна (Ин 14, 15-17. 26; 15, 26; 16, 8-11. 12-15) Дух Святой назван другим Ходатаем[1] (Первым, безусловно, является Сам Иисус Христос), т.е. ещё одним Божественным Лицом, существующим наряду с Отцом и Сыном и отличающимся от Них. Именно Он продолжит на земле миссию Иисуса Христа, обличая мир о грехе, и о правде и о суде[2], свидетельствуя о Христе[3], наставляя учеников на всякую истину[4].

Дело Отца и Сына теперь неразрывно связано с Его действием, а Бог окончательно открывает человеку Свой предвечный образ: единство Трёх Лиц в отношениях (общении) **Любви**. Но прежде, чем прикоснуться к этой тайне Откровения Бога, мы ещё раз обратимся к новозаветному образу Иисуса и рассмотрим ещё одну грань свидетельства о Нём.

Предвечное единство Отца и Сына

На Кресте и в Воскресении, в Вознесении и Сошествии Духа Бог открывает не только, Кем Он есть, Кем Он является для человека, но и то, Кто Он Сам по Себе, в вечности, предшествовавшей сотворению мира. Иначе говоря, он открывает Свою сокровенную Сущность.

---

[1] В греческом тексте употреблено слово *Параклетос*, переведённое на русский язык как «Утешитель». Однако более адекватный перевод – это «Ходатай» или «Помощник».

[2] Ин 16, 8-11.

[3] Ин 15, 26.

[4] Ин 16, 13.

Вопрос *«Кто же Этот?»*, столь волновавший современников Иисуса при Его земной жизни, с новой силой был поставлен в христианской общине после Его славного Воскресения. *Кто же Этот*, Заявлявший ещё при жизни о Своём единстве с Отцом и Прославленный, Превознесённый Им после Своей смерти? *Кто же Этот*, хотя незримо, но реально Присутствующий в общине Своих учеников и всех, кто поверил слову их проповеди? *Кто же Этот*, и после Своего расставания с земной жизнью Продолжающий творить чудеса и привлекать к Себе всё новых последователей? В среде первых учеников постепенно оформился ответ на этот вопрос. Соответствующее свидетельство мы найдём в новозаветных текстах.

Из факта присутствия Бога в жизни Иисуса следует Его – единственная в своём роде – связь с Божиим бытием, сущностью и священно-историческим спасительным действием. Иисус в Своём лице – это Имя Бога в Истории Спасения, окончательное дарование Себя Богом для всех людей. Под небом нет

другого имени, в котором присутствовало бы Спасение Божие и Его Царство (Деян 4, 12). Иисус – «виновник Спасения вечного» (Евр 5, 9), «истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин 5, 20). Он – нечто неизмеримо большее, нежели Спасение, даруемое ветхозаветным Законом, Храмом и ветхозаветными посредниками Божия владычества: Моисеем, царями и пророками.

Из абсолютной тождественности Отца и Сына в мысли, слове и действии первые христиане очень быстро пришли к заключению об Их извечном единстве в самом бытии. Согласно этой точке зрения, отношение Отец – Сын не могло возникнуть однажды во времени, как нечто случайное. Напротив, это отношение принадлежит самой сущности Бога и её характеризует. Оно не возникает в некий момент Священной Истории на земле, скажем, в момент зачатия Иисуса, Его рождества или крещения в Иордане. Напротив, Откровение Иисуса из Назарета как Сына Божия в Зачатии, Рождестве или Крещении, а также в Его проповеди и делах, в Его славном Воскресении выражает собой то, Кем Бог есть Сам по Себе – в вечности, на небесах.

Эту истину евангелист Иоанн выразил, применяя к Сыну понятие Слова Божия, ставшего плотью. Прочитаем внимательно текст из Евангелия от Иоанна: Ин 1, 1-18.

«1 В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
2 Оно было в начале у Бога.
3 Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
4 В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков.
5 И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
6 Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.
7 Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.
8 Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.
9 Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

10 В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал.
11 Пришёл к своим, и свои Его не приняли.
12 А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими,
13 которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.
14 И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.
16 И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать,
17 ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.
18 Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил.

Греческое понятие *Логос* (в русском переводе – «Слово») в эллинистической философской традиции того времени означало универсальный космический разум вселенной, руководящий всеми происходящими в ней событиями. Однако, по мнению большинства библеистов, Иоанн вдохновлялся вовсе не представлениями, заимствованными из греческой философии, но традицией Ветхого Завета, где слово Божие (еврейское *«дабар Яхве»*) было неотделимо от Самого Бога, и выражало Его творческое деяние и интерпретирующее его пояснение.

Так, словом Божиим были сотворены «небо и земля», т.е. всё существующее. В слове Бог открывал Себя Самого пророкам. Тем же словом должны были быть сотворены «новые небо и земля», т.е. реальность Царства и Спасения. Согласно же Новому Завету, сокровенным звучанием этого творящего Божьего Слова было «Сын Божий Иисус». Руководствуясь Им, Бог-Отец призвал весь мир от небытия к бытию, «ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – всё Им и для Него создано» (Кол 1, 16).

Вся веселенная, начиная от мельчайших частиц, и заканчивая великими цивилизациями, по замыслу Бога христоцентрична: возникла ради Иисуса, через Иисуса и в Иисусе! Призвание Израиля, его история, предсказанное ему будущее, – всё это также имело в виду полное Откровение Слова-Иисуса и совершалось тем же Словом.

Будущее Царство Божие, явленное в силе, будет ничем иным, как полным изъявлением Слова по имени Иисус. Наконец, в вечности, прежде бытия мира, Бог истолковывал Себя, выражал и понимал Себя в Слове, обращённом в этом случае к Богу, к Себе Самому[1]. И вот, Божие Слово,

[1] Греческое выражение, использованное в первом стихе Евангелия от Иоанна (Ин 1, 1), может быть переведено на русский язык и как «Слово было *у* Бога», и как «Слово было *в* Боге», и как «Слово было [обращено] *к* Богу».

Которое *было у Бога, и было Бог*, стало *плотью* (греч. *саркс*)[1] *и обитало с нами*, Оно стало человеком среди прочих людей, не переставая при этом быть Богом!

В какой-то мере уже в Ветхом Завете пророк, как посредник Откровения Божия, включался в этот процесс всем своим существом, самой своей жизнью. И всё же, пророки, безусловно, отличали свои слова и мысли от Слов и Мыслей Бога, а своё «я» – от того Божественного провозвестия, которое им было поручено возвещать.

Абсолютной же новизной Откровения, данного во Христе, является как раз тождество принадлежащего Божественной сущности, предвечного Слова и Его конкретного исторического воплощения – человека Иисуса из Назарета. И потому через Этого Человека, – ставшее плотью Слово, – пришли в мир **Путь, Истина и Жизнь вечная**, а Иисус из Назарета – это Предвечное Откровение Предвечного Бога (не только в Своём учении, но, прежде всего – в Своём Лице!).

По выражению одного современного богослова, Иисус есть окончательное и полное толкование Бога. Иисус – это Предвечный Сын Отца – Бог-Сын, живший в истории, во времени, как Человек – Плотник и Пророк из Назарета; Мессия из рода Давида, посланный Израилю; Отрок Господень, пришедший ко всему человечеству.

Если Иисус Христос – Сын Божий и Сын Человеческий – есть Слово Божие, в полноте выражающее Бога, то поклонение Богу, служение Ему в незнании Этого Слова, помимо Слова, в противодействии Слову, не в духе Слова (т.е. не в духе Евангелия) есть поклонение и служение ложному богу, а не Богу Истинному.

---

[1] Евангелист Иоанн, вместо нейтрального *сома* («тело») использует достаточно грубое слово *саркс* – «плоть», буквально – «мясо». Этот термин обозначает человеческое существо в его земных, физиологических проявлениях. Таким образом, автор, написавший наиболее возвышенное из Евангелий, в котором акцент сделан как раз на Божественности Христа, однозначно свидетельствует о том, что предвечный Божий Сын-Слово воистину и реально стал конкретным земным человеком, человеком из плоти и крови.

Во время Тайной Вечери апостол Филипп попросил Иисуса: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас»[1]. Может быть, и нам следует присоединиться к просьбе апостола? Знаю ли я Того Бога, Которого показывает нам Иисус, или черпаю знания о Нём из каких-то других источников? Что нового в мои представления о Боге внесли размышления о жизни и проповеди Иисуса, о событиях Его Смерти и Воскресения?

Если у нас сложились ложные представления о Боге, то ложными будут и наши религиозные переживания, дела благочестия, подвиги веры. Если мы так и не познали сострадающего, заботливого, любящего, милосердного Бога, значит, наш удел – оставаться в плену бога ложного. Достаточно лишь поверхностного анализа наших отношений с Богом, чтобы убедиться, сколько в них страха, неуверенности, недоверия. Даже молясь Господу, мы в глубине души опасаемся, что Он откажет нам в наших сокровенных желаниях, жёстоко с нами обойдётся, отнимет у нас то, что так дорого нашему сердцу. Эти чувства показывают, насколько искажён тот образ Бога, который мы носим в себе, с которым живём, о котором свидетельствуем окружающим…

Иисус освобождает нас от подобных искажений и являет нам подлинный лик Отца: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?». Этот упрёк адресован и каждому из нас: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Антон (Егор, Анна)? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?».

Что мне ответить Иисусу? Верю ли я, что Иисус и Отец – одно? Верю ли я, что Лик Христов, отражённый в Евангелиях – это Лик Бога, что дела, слова Христа – это дела и слова Бога? Иисус обращается к Филиппу по имени, подчёркивая, что они – давние знакомцы. Почему же

---

[1] См. Ин 14, 8-11.

Филипп, живя несколько лет бок о бок с Учителем, так и не понял Его? А как обстоит дело со мной?

Зачем я хожу в церковь, приступаю к таинствам, произношу молитвы? Может быть, просто по привычке? Или по обязанности, которая, по правде сказать, изрядно надоела? Свидетельствуют ли мои мысли, сама жизнь о том, что я видел Отца? И что я могу сделать для того, чтобы увидеть Бога Истинного, а не Его ложный, сложившийся под воздействием обстоятельств образ?

Истинный Бог освобождает, ложный запугивает и обращает в рабство. Истинный Бог любит, относится к каждому из неповторимых человеческих «я» с трепетным вниманием, а бог ложный предпочитает иметь дело с большими коллективами, массами, где отдельный индивид – не более чем ничтожная песчинка.

Истинный Бог поддерживает и утешает, хотя и не обходит молчанием наших пороков и недостатков. А бог ложный ведёт себя как надзиратель, постоянно грозит наказанием, требует от нас дел благочестия, и притом оставляет нас одних в трудную минуту потому лишь, что мы недостойны его.

Истинный Бог дарит нам Своё расположение абсолютно бескорыстно, а ложный предлагает его заслужить. Однако какой бы ни была сумма наших заслуг, она неизменно оказывается недостаточной. Истинный Бог никому Себя не навязывает, а терпеливо дожидается обращения блудных сынов. Бог ложный удерживает подле себя страхом. Когда страх проходит, от такого бога просто отказываются. Очень трудно сделать хоть что-то хорошее, поклоняясь ложному богу – богу навязанных нам запретов, страхов и обязанностей.

Иисус Христос, Слово Божие, избавляет нас от тирании ложного бога. Потому нам постоянно следует повторять вслед за Филиппом: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас». И Господь непременно покажет, если мы и в самом деле хотим увидеть.

Видевший Христа видел Отца… Однако полнота Откровения Бога во Христе касается не только Двух. Появляется ещё одно

Лицо – Святой Дух, переживание близости Которого стало непосредственным результатом Пасхального события. Таким образом, Бог, в Которого веруют христиане – это Единство Трёх, Святая Троица.

Святая Троица

Учению о Святой Троице посвящено множество глубокомысленных богословских трактатов, однако, несмотря на

это, оно остаётся непостижимым для нашего слабого разума, и безмерно таинственным. По точному замечанию святого Августина, попытка до конца постичь тайну Троичности Бога – сродни попытке вычерпать пригоршнями воду из океана. Но мы всё же решимся прикоснуться к этой Великой Тайне, а начнём с определения, данного Богу святым апостолом Иоанном: Бог есть Любовь (1 Ин 4, 16).

Слово «любовь» в нашей речи имеет целый ряд очень разных значений. Можно любить родину. Можно любить мужа, жену, своих детей или вообще детей… Можно любить искусство, свою работу... Можно любить мороженое. Можно любить определённую погоду или время года.

В наиболее высоком и непосредственном смысле любовь – это акт личности, в котором она выражает себя полностью и без остатка, обнаруживая свои подлинные и очень глубокие сердечные склонности, намерения, мотивации… Но здесь необходимо сделать важное уточнение.

Очень часто земная любовь связана с чувством вожделения, страстным влечением к своему предмету, которым она, во что бы то ни стало, стремится обладать. В греческом языке для такого рода любви было специальное слово – *эрос*. Подобный характер имеет чувство, возникающее между лицами противоположного пола. Однако эротичным может быть и желание обладать вещами, и наслаждение искусством, и стремление к знанию, как это было у древнегреческого философа Платона.

В том же греческом языке есть и иные слова, которые переводятся на русский язык как «любовь». Например, слово *филиа*, означающее дружбу, основанную на глубокой взаимной склонности, приязни. Или слово *агапе* – любовь-сочувствие, любовь-сострадание; любовь, умеющая воздать должное своему партнёру. Здесь на первый план выступает иное качество любви – умение дарить себя тому, кого любишь; дарить абсолютно бескорыстно, забывая собственное «я» ради любимого «ты». В этом случае любовь получает ровно столько, сколько она дарит.

Такая любовь возможна не между биологическими субъектами, находящимися во власти инстинктов и вожделений, но между личностями – разумными и свободными существами, между «Я» и «Ты». Можно утверждать, что сама личность проявляется и существует лишь в общении с другими личностями, в непрерывном обмене с ними, в ритме дарения и получения, короче говоря, в общении любви.

Конечно же, для человека подобные отношения остаются неким не до конца реализованным идеалом. Само человеческое общежитие, помимо всего прочего, является ещё и выражением людской ограниченности и нужды друг в друге. Люди обречены друг на друга. Никто из нас не самодостаточен. Кроме того, ни в ком из человеческих индивидов полнота

человеческих возможностей – сущность бытия-человеком – не реализуется вполне.

Каждый из нас ограничен обстоятельствами времени и места, набором данных ему талантов и способностей, своим социальным статусом, отношением к нему иных людей… По этой причине человеческая любовь всегда в той или иной мере эротична, она стремится к чему-то, чего сама по себе лишена. И никакая человеческая личность не идентична себе самой, не обладает полнотой самоосуществления, а лишь желает её достичь.

Согласно же свидетельству Писаний Бог есть Существо совершенное. Он не имеет неудовлетворённых потребностей. Он – абсолютное Единство, бытие-у-Себя, Он в полной мере владеет Самим Собой и является самодостаточной Личностью. По этой причине Его Любовь есть исключительно Дар, Дар как таковой. По той же причине о Нём нельзя мыслить как о Личности одинокой. Между тем, именно так представляли Бога в исторических формах монотеизма, существовавших до Христа. Позднее ученые-религиоведы назвали эти формы единобожия *унитарными*[1].

Согласно учению знаменитого древнегреческого философа Аристотеля, Бог – это всесовершенный Разум, мыслящий и любящий исключительно Себя Самого. В этом – Его счастье и блаженство. О существовании человека этот Бог, по-видимому, даже не знает, поскольку человек – слишком мелкий, недостойный предмет для столь возвышенного Ума. Так и человек едва ли задумывается о жизни муравьёв, и, тем более, о судьбе какого-то конкретного муравья. В данном случае Божия любовь сродни нарциссизму, абсолютной эгоистической самовлюблённости[2]. Ясно, что от такого Бога человеку не следует ожидать помощи. Бессмысленна молитва, нет

---

[1] *Унитарный* – единый, представляющий собой нерасчленимое на элементы и составные части целое.

[2] Это слово происходит от имени героя одного из древнегреческих мифов – юноши *Нарцисса*, влюбившегося в собственное отражение.

надежды на понимание. Остаётся лишь подчиниться раз и навсегда установленному порядку…

С другой стороны, в нехристианских монотеистических религиях Бог – это абсолютный деспот по отношению к сотворённому миру, существо, вызывающее ужас, повергающее в трепет[1]… Можно попытаться Его умилостивить, но велик соблазн принять другое решение – просто держаться от Него подальше.

Вместе с тем, как это ни парадоксально, в этом случае Бог оказывается зависимым от мира, как зависим (хотя и в негативном смысле) тиран от массы своих раболепных подданных. В неизбывном одиночестве, на которое обречён такой Бог, Он, словно бы для развлечения, творит мир. Господство над миром избавляет Его от божественной скуки, но не от одиночества. Ведь ни одно из Его творений не может и мечтать стать вровень с Ним!

Итак, в каждом из приведённых выше случаев провозглашаемое абсолютное совершенство Бога на деле оборачивается Его абсолютным несовершенством.

Но вот, во Христе открывается совершенно иной Бог. Он независим от мира и человека. В Своей сущности Он – Любовь. Любовь не эротическая, происходящая от недостатка, но дарующая, проистекающая от изобилия. Но, как мы уже выяснили, любовь есть отношение личностей, а потому в Самом Боге есть разные Лица, есть отношения. Само Единство Бога возникает *из отношений и через отношения*.

Нельзя мыслить о Боге помимо Его Лиц и связывающих их отношений. Из Откровения мы знаем имена этих Лиц: Отец, Сын, Святой Дух, сущность же связывающих их отношений – Любовь. Согласно определению одного выдающегося современного теолога, христианство есть конкретный монотеизм, в отличие от монотеизма унитарного.

---

[1] Конечно же, здесь имеются в виду лишь *некоторые тенденции* этих религий, лишённых света *полного Откровения*. Другие тенденции в тех же религиях представляют Бога, как Источник добра, справедливости и любви. Их можно считать предварением или частичным отражением полноты Откровения Бога, данного во Христе.

Подобный образ Бога не мог возникнуть в ходе философских изысканий или, как следствие естественного человеческого опыта. Он – целиком и полностью плод Откровения, явленного миру во Христе: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин 1, 18; ср. также Ин 6, 46).

В земной истории Иисуса из Назарета любовь Отца и Сына проявилась в событии Креста и Воскресения. По мнению многих современных богословов, эти символы выражают динамику предвечной Любви Божественных Лиц. Отец полностью, до конца отдаёт Себя Сыну. Он не утаивает, не оставляет в Своём распоряжении ничего. Но и Сын в полноте самоотвержения отдаёт Себя Отцу. Ибо Крест – не только земное событие: символически он водружён и на небесах.

Притом тайна Божия Единства не исчерпывается отношениями Двух. В таком случае мы имели бы дело с формой своеобразного эгоизма вдвоём. Одним из земных аналогов такого эгоизма может стать любовь супругов, сосредоточенных лишь друг на друге, отгородившихся от прочих людей. Свою полноту супружеская любовь обретает в совместном служении Богу и ближним, в первую очередь – своим родным и приёмным детям, а также всем тем, кто нуждается в их помощи и поддержке.

Из Откровения, возвещённого Сыном, нам известно, что в Боге есть ещё одно Лицо – Святой Дух: Сам Дар, Сама Жизнь, Сама Любовь. Именно в Святом Духе любовь Отца и Сына становится открытой вовне. Она способна объять всё множество сотворённых существ как раз по побуждениям любви, а не от скуки и не для доказательства собственного могущества, и, прежде всего, человека – разумное создание, столь нуждающееся в любви. Отец, Сын, Святой Дух в отношениях всеобъемлющей и открытой вовне Любви – вот полное, окончательное Откровение Единого Бога!

В Святом Духе Сын стал человеком – одним из нас. В Святом Духе Он взошёл на Голгофу. В Святом Духе Он воскрес,

включив всех людей и всё, что им присуще (в том числе, грех, страдание, смерть, побеждённые в событии Пасхи, а значит – преодолённые в отношениях Бога и человека), в вечные отношения Отца и Сына.

Святой Дух, как Божественное Лицо, действует в человеческой душе изнутри. Если Отец и Сын предстоят нам, так что мы обращаемся к Ним в молитве, стремимся прийти или приблизиться к Ним, то Дух Святой – уже с нами. Это Он ведёт нас к Отцу и Сыну, это в Нём мы молимся, размышляем и творим добрые дела. По самой Своей природе Святой Дух притягивается к Отцу и Сыну притяжением Любви, и увлекает за Собой тех людей, которых Он Собой наполняет. А Отец и Сын с любовью взирают на Своё Третье Лицо и на верующих, в Которых Дух живёт, как в храме[1]. И, благодаря этому, происходит ещё одно величайшее событие: рождение нового человека, сотворённого не по образу Адама, а по образу Христа – Человека, достойного данного ему Откровения Бога-Любви. Этому событию мы посвятим следующую тетрадь нашего курса.

[1] Апостол Павел называет «храмом Святого Духа» как отдельных верующих, так и всю христианскую общину в целом (ср. 1 Кор 3, 16; 6, 19; 2 Кор 6, 16).

Раздел II

Христос воскрес?

Времена брежневского застоя. Пасха. Кремль. По коридору идёт Брежнев, навстречу ему – секретарь:

– Христос воскрес, Леонид Ильич!

Брежнев (с трудом выговаривая слова):

– Да-да… Мне уже дол-ложи-ли…

Анекдот

Что за странный вопрос? Для христианина это вообще – не вопрос. Это утверждение. Причём не холодное утверждение, и не простая бесстрастная констатация факта, но радостное провозглашение *о великом событии,* о котором должно возвещать не иначе, как с ликованием! Разве может быть иначе?..

Тогда как объяснить результаты сравнительно недавних социологических опросов? Согласно одному из них, проведённому «Фондом общественного мнения » 19-20 апреля 2003 года в 44 регионах России, 59 % опрошенных заявили, что они являются православными, однако только 85 % из этих православных считали Пасху важным событием, и лишь 16 % от опрошенных заявили, что на Пасху намерены сходить в церковь[1]. Что это, десятилетия советского безбожия дают о себе знать? Однако, как выясняется из опросов, известный процент регулярно посещающих церковь католиков на Западе, не верят в Воскресение. Что это, общая мировая тенденция?..

Помню, как однажды, обсуждая результаты этих опросов с моим другом, я представил ему своё видение происходящего. Как мне казалось, я довольно глубоко проанализировал

---

[1] Сайт «Портал “Credo.ru”». 2003. 5. 05.

Согласно другому опросу, проводившемуся службой РОМИР в течение всего 2003 года (100 городских и сельских населённых пунктов) 71 % опрошенных заявили о своём православном вероисповедании, при этом только 62 % подтвердили, что верят в Бога. См.: Результаты исследования «Год православия в России» // Сайт Агентства РОМИР. 2004. Февраль.

сложившуюся ситуацию в России и мире, продемонстрировал истоки и причины этих явлений, а также предложил его вниманию несколько собственных горьких выводов. Говорил долго. С пафосом. Мой друг терпеливо выслушал меня. Помолчал. А потом спросил:

– А ты сам-то веришь в Воскресение Христа?

Я задохнулся от возмущения. Потом обиделся. Потом задумался. Верю ли я в Христово Воскресение? Да. Конечно. Безусловно. Без сомнения. Я точно знаю, что Христос воскрес. Я вообще много знаю. О древнейшем празднике *песах*, о том, что он возник задолго до того, как был описан в книгах Ветхого Завета. Я знаю не только о том, *как* он праздновался, но и о том, *что* он означал в жизни избранного народа. Я часами могу говорить об *исходе*, о том, что означает это слово, и что означает это событие… Я многое знаю о Библии, о событиях, описанных в ней. Я знаю, как складывался библейский канон…

Я многое знаю и о Христе. Все события Его жизни – передо мной. Я знаю о Благовещении Марии. О Рождестве. О бегстве в Египет. О том, как принесли Младенца в Храм. Знаю о Его детстве, о том, как Он потерялся, как остался в Иерусалиме. Знаю о Крещении в водах Иордана. Об искушениях в пустыне. О Его служении. О Нагорной проповеди. О чудесах и исцелениях, которые Он творил.

Я знаю о Преображении. Знаю не только все притчи Иисуса, но также множество их истолкований. Знаю и о предательстве Иуды. Знаю о Гефсиманском борении. Об аресте. О тройном отречении Петра. О Крестных муках, смерти и Воскресении Спасителя. О явлениях Воскресшего. Я знаю, что Пасхальная тайна Воскресения неотделима от Христовых страданий…

Но что-то всё же не давало мне покоя. И это *что-то* не давалось в руки, и ускользало от меня. Это таинственное *что-то* – вдруг в какой-то момент ставшее ясным – осознание того, что, несмотря на все мои знания о Христе и христианстве, несмотря на то, что я считаю себя верующим человеком, тем не менее, как это ни странно, продолжаю жить так, словно

Воскресения не было. Я знаю, что это величайшее событие произошло, но при этом продолжаю жить так, точно это произошло для всех, кроме меня…

Может быть, именно поэтому я изо всех сил *стараюсь радоваться,* – хотя бы во время Пасхи, – *как полагается, как предписано*. Но эта моя радость, если она и есть, то – какая-то отвлечённая, абстрактная, или, если угодно, – вымученная, бумажная. И дело вовсе не во внешних формах проявления этой радости: можно петь, прыгать и скакать, как царь Давид перед ковчегом, и при этом лгать, оставаясь внутри пустым, отчаявшимся, смертником. Настоящую радость, истинное ликование не сыграешь. Не изобразишь. Не придумаешь…

Сказать честно, иногда на пасхальное приветствие «Христос воскрес!» мне спонтанно так и хочется ответить словами Леонида Ильича: « Да-да… Мне уже доложили…» Да-да… Мне уже сообщили, и я об этом знаю. Но что даёт мне это знание?.. Бледное, призрачное, замученное подобие радости на пару часов, пока идёт Пасхальное торжественное богослужение? Словно Христос воскресает лишь на короткое время, а потом удаляется на покой до новой Пасхи в следующем году?..

Почему же так происходит? Почему моё знание существует как бы отдельно от меня, и, практически, почти никак не влияет на мою жизнь? Что толку, что устами своими я провозглашаю веру в Воскресение, но в сердце своём жить продолжаю так, словно никакого Воскресения не было?.. И я по большей части влачу проклятое бремя своего существования так, словно бы и не было никакого Воскресения?..

Где в моей жизни – Воскресший Христос? Смотрю по сторонам – и не нахожу Его. Смотрю внутрь себя, в своё сердце – и не вижу. Я – слеп. И в этой моей слепоте знание о Воскресении не спасает меня ни от приступов смертельной скуки, ни от изматывающей рутины, ни от бессмысленной суеты, ни от спазмов мучительного страха. Ни от страданий. Ни от ненависти. Ни от смерти. От того, что я знаю о Воскресшем, моя жизнь коренным образом не переменилась. И моё знание о Христе Воскресшем, о Его победе над смертью никак не спасает меня…

Что такое вообще это моё хвалёное знание? А вот что: я лишь *владею некоторой суммой или некоторым набором информации* о Христе; *имею некое представление* о Нём; *имею понятие* о Воскресении; я – *в курсе* этого события. Правда, всё это смешно звучит? И горько?..

Библейское же толкование слова «знать» – совсем другое. «Это – нечто, выходящее за пределы теоретического, отвлечённого знания. Это действие выражает некое укоренённое в самом существовании со-отношение…

Познать нечто – значит *изведать нечто конкретным опытом*; так познаются страдания, грех, война, мир, добро и зло… Это – реальное включение себя в жизнь, *вызывающее глубокие последствия*. Познать кого-нибудь – значит вступить с ним в личные отношения, которые могут принимать многоразличные формы и достигать разных степеней…»[1]. Как говорится, почувствуйте разницу!

Года два назад я услышал одну из историй, рассказанную о. Энтони де Мелло. Тогда она не произвела на меня никакого особо сильного положительного впечатления. Напротив, история покоробила меня какой-то прямолинейностью, ходульностью своей, что ли, не знаю, как сказать точнее. Но, тем не менее, она почему-то засела в голове, как заноза. Я попробую сейчас пересказать её по памяти:

«Разговаривают два человека:

– Говорят, ты обратился и стал христианином?

– Да.

– В таком случае ты должен много знать о Христе. Скажи, где и когда Он родился?

– Не знаю.

– В каком возрасте Он умер?

– Не знаю.

– Сколько у Него было проповедей?

---

[1] Словарь библейского богословия. Издательство «Жизнь с Богом». Брюссель. 1990. С. 404-405.

– Не знаю.

– Для человека, обращённого в веру Христа, ты знаешь очень мало.

– Ты прав, я, действительно, очень мало знаю о Нём. Зато могу сказать, что три года назад я был алкоголиком. У меня разваливалась семья. Каждый день жена и дети с ужасом ожидали моего возвращения домой… Теперь я больше не пью. Дети перестали меня бояться, а моя жена и думать забыла о разводе. И всё это благодаря Христу. Вот что я знаю. И вот, что могу сказать о Нём».

Сейчас я понимаю, чем именно эта история была так неприятна мне пару лет назад. Конечно же, я с большим сомнением отнёсся к свидетельству обратившегося человека: эка невидаль, ещё одно сусально-конфетное описание чуда чудного и дива дивного! Слушайте, ну мы же с вами взрослые люди: так не бывает!.. Поэтому я никак не мог допустить, никак не мог ни понять, ни принять того благодарения Христу, изнутри которого свидетельствовал этот человек. Это благодарение казалось мне чем-то фальшивым, неестественным и невозможным. Почему?

Скорее всего, потому, что сам я тогда не мог предъявить ничего, кроме своего «благочестивого» багажа знаний. И именно эта моя собственная невозможность благодарения, моё собственное неверие защищалось изо всех сил. Фальшивым, неестественным и невозможным было вовсе не преображение, произошедшее в жизни обратившегося человека, а я сам. И всё то, что называл и считал своей верой. Это моё сердце фальшивило. Эта история уже тогда указывала на факт, который мне так не хотелось видеть и принимать, ту истину о себе, что я на самом деле «несчастнее всех человеков»[1]…

Тогда же, изнутри своей фальши, я злорадствовал: ну-ну, давайте вообще ничего не будем знать ни о Христе, ни о Тро-

[1] «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков». 1 Кор 15, 14. 19.

ице, ни о Таинствах, ни о Воскресении, ни о других важных понятиях, событиях и лицах, ни о Священном Писании, ни о Церкви! Зачем? Это всё – лишнее! Это ни к чему не ведёт и ничему не служит!.. Конечно же, я тогда сознательно перегибал палку. Мне просто нужно было, во что бы то ни стало защитить и превознести то немногое, что у меня было, всё моё достояние, всё то, что я только и мог предъявить: свою отвлечённую теоретическую осведомлённость…

Разумеется, надо знать и о Христе, и о Священном Писании, и о Церкви, и о Таинствах, и о многом другом. Это знание необходимо. Но оно – явно недостаточно. Можно иметь представление о христианстве и Таинствах Церкви, можно владеть всей мыслимой и немыслимой информацией о Христе, ходить в храм каждый день, считать себя верующим, соблюдать все церковные предписания, и даже понимать богословский смысл происходящего, и при всём том быть «несчастнее всех человеков».

Простая *сумма информации* может сделать из меня более или менее грамотного *потребителя религиозных услуг*. С этим знанием я всю свою жизнь могу находиться рядом с Воскресшим, и не подозревать о Нём, разминуться с Ним, так и не вкусив плодов Его Спасения. Но не это знание, не эта – пусть самая обширная, даже энциклопедическая – осведомлённость способна победить смерть, и разрушить её власть надо мной.

Одно дело – знать, *быть в курсе Воскресения Христа*, и совсем другое дело – *верить и жить Воскресением и Воскресшим*. Причём жить не только в то время, когда Церковь в Пасхальное время особым образом вспоминает об этом событии, но жить всегда: *вчера, сегодня, завтра*... Но как это – верить и жить Воскресением и Воскресшим?..

Позволю себе рассказать о той трудной ситуации, в которой я сейчас оказался. Вполне возможно, что через пару месяцев я могу лишиться своей работы. Вероятность того, что это произойдёт – 50 на 50… Я надеюсь, вы понимаете, что это значит, – потерять работу?.. Когда я об этом узнал… В общем, сказать, что я пережил сильнейшее внутреннее потрясение, – значит ничего не сказать…

Я очень люблю свою работу. Больше десяти лет – на одном месте, с которым я на годы вперёд прочно связал все свои упования… Сейчас, когда я оглядываюсь назад, вижу, что это было невероятно интересное, иногда очень трудное, но чрезвычайно плодотворное время. Целая эпоха...

И вот теперь – крах. Теперь я могу лишиться всего: любимого дела, своих надежд и планов на будущее, стабильности, к которой так привык, заработка, наконец. Надо будет искать что-то другое. Но что – другое? Никаких более или менее подходящих запасных вариантов у меня нет. Я никому не нужен… Где искать? На что жить во время поисков? Как скоро удастся найти? Что это будет?.. Сумятица в голове, боль – в сердце, тысячи вопросов, на которые нет ответов. Передо мной маячит призрак неопределённости и неизвестности. И тревога. И страх. И боль…

Мой приятель пытается меня успокоить:

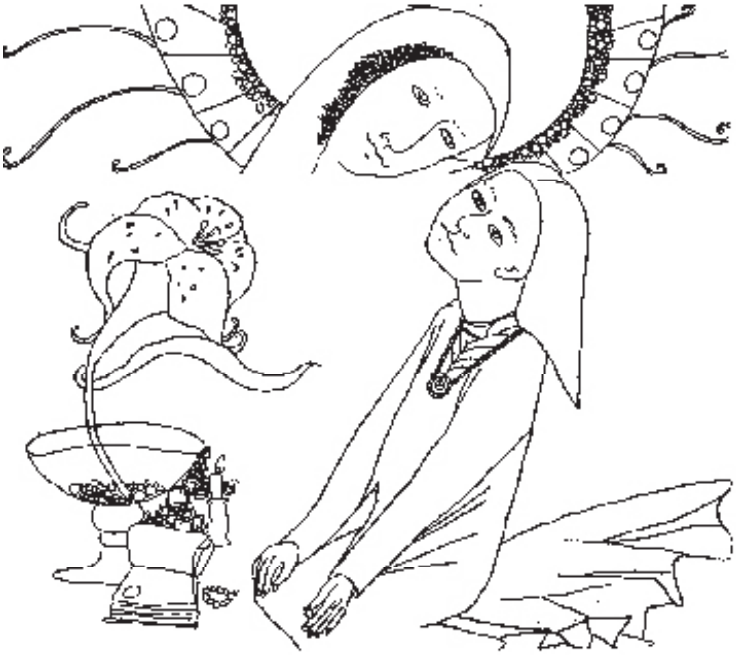
– Слушай, ситуация, прямо скажем, не из приятных… Я и сам не раз терял работу… Знаю, каково это… Но, с другой стороны, согласись, ведь это – не трагедия. Не сходи с ума… Всё образуется…

Что сказать? Он, конечно, абсолютно прав. Я *всё* понимаю… Но что мне делать-то с этим пониманием?..

Молиться толком не могу: внутри – оставленность и какое-то тупое, холодное опустошение… Всё валится из рук… Я перестал видеть лица людей… Я перестал слышать… Я словно получил в вену микро-инъекцию смерти. Я – мёртв. Я – умер… В этом мертвенном параличе проходит бессмысленный серый день. За ним, в каком-то тревожном мареве полусна-полубодрствования, следует ночь. Потом ещё один день, и ещё одна ночь... А ведь что-то надо предпринимать? Надо срочно что-то делать?..

Я мучился несколько дней, которые, как ни банально это звучит, показались мне вечностью…

И вот, поздно вечером после работы я шёл домой. Сыпал мелкий снег, потом вдруг полетели крупные хлопья: с



каждой минутой всё гуще и гуще. Звуки утратили свою резкость, стали глуше. Летящий снег заполнил-заполонил собою всё пространство. Казалось, что под неустанным мягким натиском хлопьев даже ветер утих, и теперь снег падал с неба отвесно и медленно…

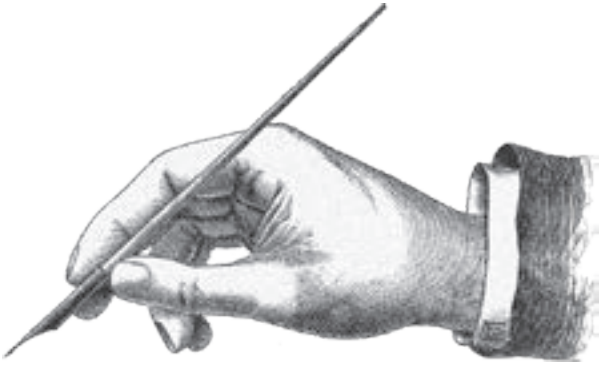
Постепенно какая-то особая тишина наступила не только снаружи, на улице, но и внутри, в моей душе. Обрывки тревожных мыслей, не дававших мне покоя последние несколько дней, улеглись, а потом исчезли. Я оказался в полном внутреннем молчании. Это очень редкое для меня и поистине благословенное состояние. Я просто смотрел. Смотрел на падающий снег. И не мог оторваться от этого зрелища… Не знаю, сколько это продолжалось… Знаете, думаю, в тот момент я был счастлив…

В «Дневниках» о. Александра Шмемана есть удивительное, щемяще-точное высказывание: «Шёл снег, как рассказ, который никто не слушает». Тогда вечером я

слушал. И удивлялся. И был потрясён… Это была самая лучшая молитва, которую я когда-либо слышал и видел. И, кажется, молился не я. Я только слушал.

Что я услышал? К сожалению или к счастью, словами этого не передать. Могу сказать только о последствиях. Я ощутил, что вижу. Слышу. Что могу дышать. Что могу двигаться. Удивляться. Благодарить. Что есть покой. Что страха нет. Что смерти нет. Я видел как бы заново, вот только что, на моих глазах сотворённый для меня мир. Его необъятность. И что я – не один… И, что бы со мной ни случилось, я уже никогда не останусь один… Я услышал: «Я с вами во все дни до скончания века»[1].

[1] Мф 28, 20.



Творческие задания

Творческие задания

1. Мы, как христиане, веруем, что Иисус умер за каждого из нас. Как я переживаю эту истину веры? Какие выводы делаю из утверждения, что Иисус умер лично за меня?

2. Что следует лично для меня из того факта, что Иисус воскрес и живёт?

3. Бог, о Котором свидетельствовал Иисус Христос, не одинок. Он – Святая Троица. Как Вы полагаете, можно ли из этой вероучительной истины извлечь выводы, непосредственно касающиеся практической жизни? Какие именно?

Важнейшие понятия

Искупление

Слово «искупление» (греч. *лытрозис*) происходит от греческого глагола *лытрустхаи*, означающего «выкупать», например, раба или отданную в залог вещь.

После грехопадения Адама люди перестали принадлежать своему истинному Господину и Хозяину, Богу-Творцу, но оказались в рабстве у сатаны, греха (Ин 8, 34; Рим 7, 14-15), сил мира сего (1 Ин 2, 15-17). Следовательно, искупление есть образ действий Бога, освобождающего человека от всевозможных хозяев и возвращающего его подлинному Хозяину, Господу, и себе самому.

Так Бог искупил ветхозаветный Израиль из Египетского рабства, чтобы связать его с Собой (Исх 6, 6-7). Израиль становится уделом Бога, отличным от прочих, языческих народов (Исх 19, 5-6).

В Новом Завете термином «искупление» выражено окончательное освобождение человека от всех порабощающих его сил, безвозвратное приобретение его Богом, благодаря чему Бог овладевает всей полнотой человеческого существа. Искупление есть действие Божие, продиктованное Его любовью к человеку. Эта любовь выражается, прежде всего, в добровольной Жертве Иисуса Христа: Христос «не для того

пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф 20, 28). Поэтому средоточием дела Искупления становится Пасхальная тайна Смерти и Воскресения Иисуса (см. «Пасхальная Тайна»).

С понятием искупления в Новом Завете тесно связаны понятия спасения (см. «Спасение») и оправдания. Спасение и оправдание есть восстановление человека в его изначальной, утраченной после грехопадения Адама, праведности и правоте перед Богом.

Лишь один Иисус Христос, как безгрешный Человек, мог быть праведным и правым, однако, благодаря Его подвигу, праведность вменяется и всем тем, кто уверовал в Него, принял Его подвиг и Его Жертву. Таким образом, каждый христианин является оправданным, искупленным и спасённым (см. Рим 3, 21-25; 5, 12-21; 10, 9-10 и др.).

Объективно дело Искупления и Спасения человечества уже совершилось. Для его исполнения была достаточна Крестная Смерть Христа, предельно уничижившего Себя, принявшего на Себя все страшные последствия греха, разделившего ужасную судьбу грешника (ср. Гал 3, 13; 2 Кор 5, 21; Флп 2, 8). Этой смертью Иисус искупает человечество, приобретает его в собственность Своему Отцу.

Искупленными могут считаться также человеческие страдания и смерть. Из чисто разрушительных сил они превращаются в средство нашего личного Спасения, приобретают ценность перед Богом, составляют неотъемлемый и очень важный элемент нашего пути к Господу, примирения с Ним. Каждый верующий должен по-своему воспроизвести путь Иисуса Христа: через страдания и смерть прийти к славе и полноте Богообщения.

В личном или субъективном плане дело Искупления продолжается Святым Духом, действующим в человеческой душе и превращающим провозглашённое во Христе Спасение в личное достояние каждого человека, реально освобождающим его от господства всевозможных хозяев и приводящим в послушание Богу.

В данном случае понятие искупления оказывается в тесной связи с понятием освящения. Освящение есть дело Святого Духа, делающего нас святыми, т.е. по-настоящему принадлежащими Богу (см. 1 Кор 1, 30;1 Фес 4, 3; 2 Фес 2, 13).

В этом субъективном смысле дело нашего Искупления (Спасения, Освящения, Освобождения) завершится лишь в жизни будущего века, при Втором Пришествии Христа и воскресении во славе (Лк 21, 28; Еф 1, 14; 4, 30). Тогда же будет искуплена (станет собственностью Бога) и вся вселенная со всем, что её населяет (Рим 8, 19-23), она «исполнится всею полнотою Божией» (Еф 3, 19), и Бог будет «всё во всём» (1 Кор 15, 28; Еф 1, 23).

Спасение

Переводимые на русский язык как «спасение» еврейские и греческие слова буквально означают «быть избавленным от опасности, грозившей гибелью».

Человек, находящийся вне общения с любящим Богом, живущий во вражде с Богом, обречён на гибель. Но Бог не может допустить гибели Своего возлюбленного создания, поэтому сразу же после грехопадения Адама, Он начинает предпринимать усилия по его Спасению. Даруемое от Бога Спасение составляет главное содержание Священной Истории (истории отношений Бога с людьми), которая именно поэтому и называется Историей Спасения.

Опыт спасения, как избавления от угроз со стороны внешних врагов, стал уделом Израиля и его отдельных представителей ещё в ветхозаветные времена. Однако подлинное Спасение, охватывающее все стороны человеческого бытия, стало возможным лишь с пришествием Иисуса Христа.

Само имя «Иисус» означает по-еврейски «Господь спасает». В Своём земном служении Иисус явил Себя Спасителем, прощая людям грехи, примиряя их с Богом, исцеляя от физических болезней и от порабощения бесами (духами зла). Однако средоточием дела Спасения стала Пасхальная тайна Смерти и Воскресения Христа (см. «Пасхальная Тайна»).

Именно на Кресте открылись подлинные замыслы Божии относительно человека и вся полнота Его любви к нему. Бог «хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим 2, 4; 4, 10), а потому посылает Своего «Сына Спасителем миру» (Ин 3, 16-17; 1 Ин 4, 14). Только в Иисусе раскрывается подлинный Лик Божий и Его замыслы (Тит 2, 11; 3, 4), а потому Иисус есть Единственный Спаситель (Деян 4, 10-12; Тит 2, 13), пришедший спасти грешников (1 Тим 1, 15), «виновник спасения вечного» (Евр 5, 5).

Если на Кресте была явлена окончательная воля Божия – спасение всех людей, т.е. осуществилось Спасение в объективном смысле, то в субъективном смысле ему ещё предстоит быть усвоенным каждой человеческой личностью. Благая Весть о состоявшемся на Кресте Спасении сама по себе является «силой Божией ко спасению всякому верующему» (Рим 1, 16).

Проповедуемое Евангелие является «словом спасения» (Деян 13, 26), обращённым ко всем людям и всякому человеку в отдельности. От человека же требуется вера в Иисуса Христа и совершённое им Спасение (Деян 2, 40; 16, 30), публичное исповедание Его имени (Рим 10, 9-10), покаяние и Крещение (1 Петр 3, 21).

К Спасению конкретного верующего вполне применима формула «уже и ещё нет». С одной стороны, тот, кто верует во Христа и исповедует Его своим Господом и Спасителем, уже спасён. «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Еф 2, 8).

С другой стороны, Спасение остаётся предметом надежды и относится к будущему (Рим 8, 24). Если мы и предопределены ко Спасению (1 Фес 5, 9), то его полнота откроется лишь «в последнее время» (1 Петр 1, 5), с пришествием во славе Воскресшего Христа и водворением Его Царства. Тогда Христос явится, чтобы «дать нам Спасение» (Евр 9, 28), чтобы завершить Своё дело Спасения, воскресив наши тела и преобразив их по образу Своего прославленного тела (Флп 3, 20-21).

До этого момента жизнь христианина должна быть исполнена усилий: он лишь приближается к цели Спасения (Рим 13, 11). Христианин должен как бы заново начинать путь

своего Спасения (ср. Деян 16, 17), делая это ежедневно, ибо «вот, теперь день спасения» (2 Кор 6, 2). Христианин должен «совершать своё спасение со страхом и трепетом» (Флп 2, 12), углубляясь в Писание (2 Тим 3,16), творя добрые дела (Иак 2, 14), воспитывая в себе соответствующие черты характера («добродетели», 1 Фес 5, 8), постоянно «возрастая в спасении» (1 Петр 2, 2).

Пасха, Пасхальная тайна

Пасха – важнейший из праздников иудаизма, связанный с Исходом из Египта (см. Экскурс к 3-ей тетради), т.е. с первым опытом Божьего Искупления, Освобождения и Спасения. В Книгах Пророков дальнейшие дела освобождения и спасения, совершённые Богом в истории Израиля, например, вызволение из Вавилонского плена, описывались по аналогии с Пасхой (ср. Ис 30, 29; 31, 5; 40, 3-5; 41, 17-20; 43, 16-21; 49, 9-11; 55, 12-13; 63, 7 – 64, 11; Иер 23, 5-8; 31, 2-25). Центральным элементом празднования Пасхи был торжественно принесённый в жертву ягнёнок (агнец), который съедался на ночной семейной трапезе вместе с опресноками – бездрожжевыми хлебными лепёшками – и горькими травами (Исх 12, 3-6. 22. 46). Этот ягнёнок также именовался «пасхой».

События последних дней земного служения Иисуса придали древнему иудейскому празднику Пасхи новый, более глубокий смысл. Тайная Вечеря Иисуса с учениками накануне Его ареста проходила в преддверии иудейской Пасхи и, по-видимому, была ритуальной пасхальной трапезой.

Сам Иисус придал прежде существовавшему обряду новое значение, провозглашая употреблявшиеся во время пасхальной трапезы хлеб (опресноки) и вино с Собственными Телом и Кровью и, таким образом, представляя Свою скорую смерть как Пасхальное Жертвоприношение, способное принести людям не символическое, а действительное Спасение (Мк 14, 22-24).

Евангелист Иоанн прямо называет Иисуса пасхальным Агнцем (Ин 1, 29. 36) и подчёркивает, что Его Распятие совершилось во второй половине дня 14 нисана, т.е. в час заклания в Храме жерт-

венных агнцев (ср. Ин 18, 28; 19, 14. 31. 36. 42). Следовательно, Иисус есть истинный Агнец или «Пасха»: «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор 5, 7). Все мы «освящены… единократным принесением тела Иисуса Христа» (Евр 10, 10).

Божий замысел Спасения мира и человека во Христе апостол Павел характеризует как «тайну» (греч. *мистериос*). Эта тайна заключается в том, чтобы «всё небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф 1, 9). Она «не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих», тогда как «ныне открыта святым Апостолам и пророкам Духом Святым» (Еф 3, 3-5). Апостол Павел видит свою миссию в том, чтобы возвещать эту тайну по всей земле, всем без исключения людям (ср. Рим 14, 24-26; Еф 3, 8-12; Кол 1, 24-29; 2, 1-3; 4, 3-4). Высшей же точкой реализации Божьих намерений стали Крестная Смерть Иисуса и Его славное Воскресение.

Именно события Страстей, Смерти, Воскресения и Вознесения Христа пролили полный свет на замыслы Бога относительно человека, открыли подлинный Лик Божий, указали каждому человеку путь личного Спасения и примирения с Богом. Эти события уже в ранней христианской традиции именовались пасхальными, а тайна Смерти и Воскресения Господа была названа Пасхальной Тайной.

Книги Нового Завета представляют Пасхальную Тайну как кульминацию Священной Истории, т.е. истории взаимоотношений Бога с людьми. Всё содержание христианской религии может быть выведено из Пасхальной Тайны и имеет её своим средоточием. Пасхальная Тайна должна занять подобающее место и в личном благочестии каждого христианина.

В обычном словоупотреблении Пасхой называется ежегодный христианский праздник, установленный в память Смерти и Воскресения Христа. Это – главный из праздников христианства, праздник освобождения от греха и смерти, праздник надежды на славное завершение дела нашего Спасения. Праздновать его надлежит «не со старой закваской» порочной жизни, а с «опресноками чистоты и истины» (1 Кор 5, 8). Верующие лично переживают тайну Пасхи в общении

со Христом, «умирая греху и воскресая к новой жизни» (ср. Рим 6, 3-11; Кол 2, 12).

События Пасхи вспоминаются и каждое воскресенье («первый день недели»), поэтому любой воскресный день по праву считается малой Пасхой.

Наконец, каждое таинство Евхаристии, в какой бы день оно ни совершалось, является возобновлением Пасхальной Тайны, её актуализацией здесь и теперь. К этой Тайне приобщаются все участники богослужения. Отсюда следует, что Евхаристическое богослужение (Божественная Литургия, Святая Месса) занимает центральное, ни с чем несравнимое место в христианском культе. В нём необходимо видеть источник и средоточие духовной жизни всех верующих.

Священство по чину Мелхиседека

Мелхиседек – царь Салима (будущего Иерусалима, ср. Пс 76 (75), 3) и священник Бога Всевышнего. Заметим, что совмещение царских и священнических полномочий было в древности обычным делом. Очень часто царь считался не только главой государства, но и верховным жрецом главного бога-покровителя народа.

Фигура Мелхиседека появляется на страницах Библии лишь однажды (Быт 14, 17-20). Мелхиседек предлагает Аврааму трапезу хлеба и вина в знак заключённого с ним договора-союза (завета), преподаёт Аврааму своё благословение и получает от Авраама дань (десятину) за своё покровительство. Это всё, что нам известно о Мелхиседеке – царе-священнике одного из мелких палестинских государств. Его имя не появляется ни в одном из библейских родословий, он не является участником каких-либо иных событий.

Когда избранник Божий Давид сделал Иерусалим своей столицей, автор посвящённого этому царю 110 (109)-го псалма назвал его «священником по чину Мелхиседека» (Пс 110 (109), 4). Таким образом, псалмопевец стремился прославить

Давида и отразить характер его царствования: Давид был ревностным покровителем и защитником религии Единого Бога.

Впоследствии псалом 110 (109) вероятно использовался во время церемонии венчания на царство потомков Давида. Таким образом, каждый из них мог называться священником по чину Мелхиседека, хотя на практике царское и священническое служение в Израиле никогда не совмещалось.

Законными царями могли быть лишь сыны (потомки) Давида, а законными священниками – лишь сыны (потомки) Аарона, брата Моисея, получившего своё служение по прямому повелению Божию (Исх 28, 1). После падения Израильской монархии 110 (109) псалом в некоторых иудейских кругах был отнесён к грядущему Мессии, и автор новозаветного Послания к Евреям воспользовался этой традицией.

Иисус, увенчавший Своё земное служение Крестной Смертью и Воскресением (см. Пасхальная Тайна), во всей полноте выразил сущность священнического призвания. Главной обязанностью ветхозаветных священников было принесение Богу жертв (жертвенных животных): жертв благодарения и жертв умилостивления за грехи. Однако «невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр 10, 4). Лишь Крестная Жертва Иисуса могла стать должным благодарением Богу и искупить грехи человечества.

«Христос, Первосвященник будущих благ…, не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошёл во святилище и приобрёл вечное искупление» (Евр 9, 11-12). Иисус есть Священник и Жертва в одном лице!

Вместе с тем, Его Священство не связано с ветхозаветным священническим институтом (по чину Аарона) и не выводится из него. Желая продемонстрировать специфику Иисусова Священства, автор Послания к Евреям, используя идеи 110 (109) псалма, назвал Его «священником по чину Мелхиседека» (Евр 7). Между Иисусом и Мелхиседеком существует целый ряд знаменательных аналогий.

Имя «Мелхи-седек» означает буквально «мой царь – правосудие», а название города, в котором царствовал Мелхисе-

дек, – Салим, – созвучно еврейскому *шалом* – «мир». Таким образом, Мелхиседек есть «царь правды и мира» (Евр 7, 2). Но именно Иисус принёс миру правду и мир.

Библия ничего не сообщает о происхождении Мелхиседека: «Без отца, без матери, без родословия» (Евр 7, 3). Со своей стороны, Иисус, хотя и потомок Давида, ведёт Своё происхождение «от дней вечных», а Его подлинный Отец – Бог Небесный.

Авраам признал превосходство Мелхиседека и принял от него благословение не только от своего имени, но и от имени своего отдалённого потомка Аарона из рода Левия. Так и Священство Иисуса безмерно превосходит «священство по чину Аарона» и его упраздняет, делает ненужным (Евр 7, 11-19). К тому же, в 110 псалме священник по чину Мелхиседека устанавливается торжественным образом, с клятвой: «Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (ст. 4). Эта клятва не касается священников из рода Аарона, грешных, смертных и, следовательно, многочисленных, сменяющих друг друга из поколения в поколение. Зато она вполне применима к единственному Первосвященнику Иисусу.

Как и Мелхиседек, Иисус совмещает царское (Он – Мессия Израиля и Царь всего творения) и священническое служение, чего не было в ветхозаветном Израиле (Евр 7, 14). Мелхиседек принёс Аврааму хлеб и вино в знак установления союза-завета между ними. А Иисус установил Таинство Хлеба и Вина (Евхаристии), как Таинство «Нового Завета в Моей Крови» (Лк 22, 20). Мелхиседек не принадлежит к Израилю (сынам Авраама), он словно бы символизирует всемирность Божиих замыслов. Так и Спасение, принесённое Иисусом, выходит за рамки одного народа (ветхозаветного Израиля) и предназначается всем народам земли.

Таким образом, используя библейские тексты, автор Послания к Евреям донёс до нас очень важное учение о священническом служении Иисуса Христа. Его итог выражен в следующих словах: «Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделённый от грешников и превознесённый выше небес, Который не имеет нужды еже-

дневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого» (Евр 7, 26-27).

Имя Божие

В древности имя не было условным обозначением, а выражало сокровенную сущность его носителя и определяло то место, которое ему предназначалось в мире. Таким же образом Имя Божие выражало саму Божественную Личность, Её неотъемлемые свойства и качества, как и характер Её действий в отношении к человеку.

В Библии Бог Сам открывает Своё Имя. Более того, каждая новая эпоха в Истории Спасения связана с откровением нового, ранее неизвестного Имени Божия. Праотцам-патриархам Израиля – Аврааму, Исааку, Иакову – было открыто имя: «Бог Всемогущий» (евр. *Эль Шаддай*; см. Быт 17, 1 и Исх 6, 3).

Потомки патриархов пользовались наименованием «Бог Авраама, Исаака и Иакова» (Исх 3, 15-16). Явившись Моисею, перед тем, как поручить ему миссию освобождения Израиля от Египетского рабства, Бог назвался именем «Яхве» или «Сущий», то есть «Тот, Кто есть, Кто присутствует, [чтобы действовать во благо Своего народа]» (Исх 3, 13 и 6, 2-3). Другие, наиболее известные ветхозаветные имена Бога – это «Господь» (*господин*, евр. *Адонаи*) и «Саваоф» (*Вождь небесных воинств*).

Иисус Христос считал одной из важнейших граней Своей миссии возвещение народу подлинного Имени Божия: «Я открыл имя Твоё человекам, которых Ты дал Мне от мира… И Я открыл им имя Твоё и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин 17, 6. 26). И в самом деле, полнота Откровения Бога во Христе обязательно должна была сопровождаться и откровением нового Божьего Имени.

Имя Божие, открывшееся в проповеди Иисуса, есть, прежде всего, «Отец». Так теперь может обращаться к Нему всякий верующий (молитва «Отче наш»). Являя Себя Самого как Сына, Иисус демонстрирует, что имя, наиболее глубоко выражающее

естество Бога, есть Отец. Отцовство Божие распространяется на всех людей, верующих в Его Сына Иисуса (Ин 1, 12-13). Но это Имя – отнюдь не единственное в Новом Завете.

Иисус просит Отца «прославить имя Своё» (Ин 12, 28), и Отец делает это, посылая Сына на подвиг Креста, а затем воскрешая и прославляя Его (Флп 2, 9). Сын прославляет Отца, принося Жертву на Голгофе (Ин 13, 31-32), а Отец прославляет Сына, «даруя Ему имя превыше всякого имени» (Флп 2, 9-11), новое имя, неотличимое от имени Божия (Откр 3, 12; 14, 1; 19, 13. 16). Это таинственное имя может быть передано как *Господь*. В Ветхом Завете так именовали исключительно Единого Бога. Теперь же это имя принадлежит равно и Отцу, и Сыну.

Оказывается, что истинное существо Божие раскрывается в отношениях Отца и Сына, имеющих вечный и непреходящий характер (Ин 1, 18). Позднее откровение Бога как Отца и Сына дополняется откровением Третьего Божественного Лица – Святого Духа (Ин 15, 26). Таким образом, имя, полнее всего выражающее Бога, есть Святая Троица – Отец, Сын и Дух Святой (см. статью «Святая Троица»).

Благодаря Пасхальной Тайне, по-новому раскрывается и древнее имя Божие «Яхве» (*Сущий*). В земном служении Иисуса, а особенно на Кресте, Бог являет Себя как Тот, Кто есть для нас, как Сущий ради нас, ради нашего блага. Главная цель Божия – сделать счастливым каждого человека, и ради этого Он делает всё возможное, готов принести любые жертвы.

«Иисус» (буквально, *Яхве спасает*), как имя вочеловечившегося Бога, также является отныне Именем Божиим. Лик Бога – это лик Иисуса из Назарета: Плотника, Пророка и Учителя. Мессии, Сына Человеческого и Сына Божия, Слова Божия, Спасителя, Господа, Слуги (Отрока) Божия, Доброго Пастыря, Агнца Божия, берущего на Себя грех мира, и т.д. (см. также статью «Титулы Иисуса Христа»).

Первые христиане именем Иисуса исцеляли больных (Деян 3, 6; 9, 34), изгоняли бесов (Мк 16, 17; Деян 16, 18; 19, 13), творили чудеса (Деян 4, 30). Они жили в убеждении, что «нет

другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян 4, 12). Они также называли себя «призывающими имя Господне» (Деян 9, 14. 21; 1 Кор 1, 2; 2 Тим 2, 22). Призывать имя Господне – значит прибегать к Небесному Отцу через Иисуса Христа в Святом Духе.

Откровением имени Божия, безусловно, можно считать и утверждение апостола Иоанна «Бог есть Любовь» (1 Ин 4, 16).

Титулы Иисуса Христа – наименования, относимые к Иисусу в Книгах Нового Завета, выражающие сущность Его личности, призвания и принятой Им миссии. Некоторые из них восходят к Самому Иисусу и Его земному служению, другие были присвоены Ему первохристианской Церковью. Мы перечислим здесь лишь самые значимые из них.

Господь

«Господь» (евр. *Адонаи*, греч. *Кириос*) – титул, приписываемый в Ветхом Завете исключительно Богу Израиля. Этот титул фактически стал Его собственным именем. В христианскую эпоху он был перенесён на Иисуса Христа, Распятого и Воскресшего.

Исповедание *Иисус есть Господь* – это ничто иное, как краткое выражение христианской веры (ср. Рим 10, 9; 1 Кор 12, 3; Кол 2, 6). Титул «Господь» указывает на верховную власть Христа, как власть Самого Бога (Деян 10, 36; Флп 2, 9-11). На Христа, как Господа, переносятся и иные наименования, по праву принадлежащие одному Богу, и приличествующие только Богу формы поклонения.

Назорей

«Иисус Назорей» – имя, под которым Иисус был известен, по преимуществу, Своим соплеменникам (Ин 19, 19; Деян 2, 22; 4, 10; 6, 14; 22, 8 и др.). Предвечный Сын Божий, став человеком из плоти и крови, «родился от жены, подчинился Закону» (Гал 4, 4). Явился в мир в определённый момент, «в правление Квириния Сириею» (Лк 2, 2), в семье «Иосифа из дома Давидова»

(Лк 1, 27), проживавшей в городе Назарет в Галилее (Лк 1, 27; Мф 2, 23). Его семья была ничем непримечательной – простой и бедной. Поэтому к Его имени не добавляли имени земного отца и иных предков («бар Иосиф»…, «бар Давид»), как это делалось в отношении представителей знатных родов, а просто называли Его по имени родного города – Назарета.

Слуга (Отрок, Раб) Господень

Таинственная фигура Раба Божия появляется в Книге пророка Исаии, где ему посвящены четыре отрывка, так называемых песни (Ис 42, 1-7; 49, 1-6; 50, 4-9; 52, 13 – 53, 12).

Рабу (Отроку) принадлежит особая роль в замыслах Господа. Его будут отличать кротость и смирение, ненасильственный образ действий: «Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине».

Он соберёт рассеянный по чужим землям Израиль, наставит его на путь истинный, утвердит на земле правду Божию, обратится к языческим народам и приведёт их к покаянию. Ему придётся много страдать и даже принять мученическую смерть. Его добровольная жертва послужит исполнению спасительных замыслов Божиих: все грешники будут оправданы, избранный народ утешен и примирён с Богом.

В эпоху Иисуса Христа тексты Исаии о Рабе Господнем практически не комментировались. Сам же Иисус воспринял Свою земную миссию как миссию предсказанного древним пророком Раба. Он – кроткий и смиренный – возвещает Спасение нищим (Лк 4, 18-19). Среди апостолов Он – «как служащий» (Лк 22, 27; Ин 13, 12-15). Иисус добровольно идёт на смерть ради искупления грешников (Мк 10, 43-45). «Причтённый к злодеям», Он умирает на Кресте (Лк 22, 37; Мк 14, 24), веруя, что Его смерть, согласно пророчеству, обернётся торжеством дела Божия.

Авторы Книг Нового Завета, применили к Иисусу пророчества Исаии о Рабе Господнем, чтобы таким образом выразить

тайну Его страданий и смерти, подчеркнуть её запланированный, предусмотренный свыше характер (ср. Лк 24, 25-27; Деян 3, 18; 8, 30-35; Мф 12, 18-21; 1 Петр 2, 21-25 и др.).

Спаситель

Титул «Спаситель» был присвоен Единому Богу в Ветхом Завете (Ис 63, 8; 1 Макк 4, 30). При каждой опасности Израиль взывал к Богу, чтобы спастись (Иер 4, 14). Кроме Бога, нет другого Спасителя (Ис 43, 11; 47, 15; Ос 13, 4). Следовательно, само слово «Спаситель» стало определением Бога, одним из Его имён. Так и в Книгах Нового Завета Бог-Отец неоднократно именуется Спасителем (Иуд 1, 25; 1 Тим 1, 1; 2, 3; 4, 10; Тит 1, 3; 2, 10; 3, 4).

Вместе с тем, в христианскую эпоху титул «Спаситель», как и принадлежащий прежде одному Богу титул «Господь», был присвоен также Иисусу Христу. Таким образом, Церковь выразила свою веру в Иисуса как в Бога. В Евангелии от Луки ангелы возвещают людям Благую Весть о рождении Спасителя (Лк 2, 11).

Сам Иисус считает Свою миссию миссией Спасителя по преимуществу: Он пришёл на землю «не погублять души человеческие, а спасать» (Лк 9, 56; 19, 10); не для того, «чтобы судить мир, но чтобы мир спасён был через Него» (Ин 3, 17; 12, 47).

С появлением Иисуса в доме мытаря Закхея в этот дом приходит и Спасение (Лк 19, 9), а самаряне, услышав проповедь Иисуса, исповедуют Его «Спасителем мира» (Ин 4, 42). Однако во всей полноте миссия Христа как Спасителя раскрылась в Пасхальных событиях Его Смерти и Воскресения (см. «Пасхальная Тайна»).

В Книге Деяний и Посланиях Апостолов Иисус очень часто именуется Спасителем (Деян 5, 31; 13, 23; 2 Пет 1, 1; 1 Ин 4, 14; Еф 5, 23; 2 Тим 1, 10; Тит 2, 13; 3, 6). Титул «Спаситель» применительно к Иисусу неоднократно выступает в сочетании с титулом «Господь». Иисус – наш Господь и Спаситель (2 Пет 2, 20; 3, 2; 3, 18; Флп 3, 20; Тит 1, 4), во всём равный Богу-Отцу.

Сын Давидов

«Сын Давидов» – наиболее распространённое в иудейском мире времён Иисуса Христа наименование ожидаемого Мессии. Этим выражалась его принадлежность к потомству царя Давида (Мессия непременно должен был происходить из рода Давида) и особенность его миссии.

По мысли большинства раввинов, Мессия, подобно древнему царю Давиду, должен был стать основателем могучей теократической державы, доставить иудейской религии и иудейскому народу громкую славу и процветание.

Иисус по праву мог именоваться Сыном Давида (ср. Мф 1, 1) – и как потомок Давида, и как предсказанный Пророками Мессия Израиля. Однако этот титул был обременён в сознании иудеев нежелательными политическими ассоциациями. По убеждению Самого Иисуса, он не отражал особенностей Его мессианского служения, как и подлинного характера Его личности (ср. Мф 22, 42-45). По этой причине Иисус никогда не называл Себя Сыном Давида, хотя и не возражал, когда Его так называли другие люди (ср. Мф 20, 30-31; 21, 9. 15-16).

Сын Человеческий

В Евангелиях выражение «Сын Человеческий» встречается семьдесят раз, причём всегда – в прямой речи Иисуса. Кроме того, из контекста ясно, что в подавляющем большинстве случаев Иисус говорит именно о Себе Самом, хотя и в третьем лице.

В Книге же Деяний и Посланиях Апостолов оборот «Сын Человеческий» применительно к Иисусу практически не употребляется. Отсюда следует вывод, что «Сын Человеческий» – это выражение, принадлежащее Иисусу, Его самонаименование. После Пасхальных событий христиане предпочли называть Иисуса другими именами (Господь, Сын Божий, Спаситель), более соответствующими их вере.

Почему же Иисус предпочитал именовать Себя Сыном Человеческим? В поисках ответа на этот вопрос необходимо обратиться к ветхозаветной традиции.

С одной стороны, сын человеческий (евр. *бен-адам*, арам. *бар-енаш*) – это просто синоним слова «человек» (ср., например, Пс 80 (79), 18). Называя Себя Сыном Человеческим, Иисус подчёркивал Свою подлинную человечность, Свою солидарность с человеческим родом. Больше того, Он отождествил Себя с самыми бедными и угнетёнными среди людей, с теми, кто «не имеет, где приклонить голову» (Лк 9, 58).

С другой стороны, в Книге Даниила (Дан 7, 13-14) «Сын Человеческий» – это таинственная фигура, принадлежащая небесному миру, Посредник Царства Божия, приходящего свыше, Царства не от мира сего. Именно такое Царство возвестил миру Иисус (ср. Ин 18, 36), а потому имя Сына Человеческого куда точнее выражало Его миссию и Его служение Посредника, чем традиционное имя Сына Давидова. Наименование Сын Человеческий косвенно указывало и на небесное происхождение Иисуса, как Единородного Сына Бога-Отца.

Кроме того, Иисус совместил библейский образ Сына Человеческого с другим библейским образом – Раба (Отрока) Господня. Таким образом, в Его устах появилась тема искупительных страданий и смерти Сына Человеческого (Мк 8, 31; 9, 12. 31; 10, 33-34), отсутствующая в прежней традиции иудаизма. Сын Человеческий живёт на земле в условиях социальной приниженности, скрывающей Его истинное лицо (Мф 8, 20; 11, 19). Этим до известной степени извиняются и богохульства в Его адрес (Мф 12, 32).

Иисус предсказывал и явление прославленного Сына Человеческого в конце времён (Мф 10, 23; 13, 41; 16, 27-28; 24, 29-31; Мк 14, 62; Лк 9, 26; 12, 8 и др.). Он доведёт до конца служение униженного Сына Человеческого: воскресит мёртвых, произведёт суд (Мф 19, 28; 25, 31-32), установит Царствие Божие.

По всеобщему убеждению христиан прославленный Сын Человеческий – это Сам Воскресший Иисус (ср. Мк 10, 34; Мф 17, 9 и др.) в Своём Втором Пришествии. Униженный Сын Человеческий и прославленный Сын Человеческий – это одно и то же лицо (ср. Ин 12, 23. 34; 13, 31). Последо-

ватели Иисуса, увидев «Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде» (Ин 6, 62; здесь имеется в виду Его Воскресение и Вознесение), убедятся в Его небесном происхождении (ср. Ин 3, 13) и исповедуют Его Божество (Ин 8, 28: «тогда узнаете, что это Я»).

Во время Своего земного служения Иисус, как униженный Сын Человеческий, уже осуществлял некоторые виды власти, принадлежащие прославленному Сыну Человеческому: отпускал грехи (Мф 9, 6 и др.), воскрешал умерших (Мк 5, 35-43 и др.), устанавливал правила соблюдения субботы (Мф 12, 28), возвещал Слово Божие (Мф 13, 37) и т.д.

Сын Божий

В Ветхом Завете наименование «сын Божий» иногда применялось к народу Израиля и его отдельным представителям (см. статью «Сыны Божии» в словарике 7-ой тетради). Однако свидетельство Иисуса о Себе как о Сыне Божием выходит далеко за рамки всеобщего сыновства членов Богоизбранного народа.

Иисус слышит глас Божий, именующий Его Возлюбленным Сыном (Мк 1, 11; 9, 7), постоянно обращается к Богу «Авва (Отче)» (Мк 14, 36; Лк 23, 46), свидетельствует о Своей глубочайшей близости к Богу, предполагающей полное взаимное познание и общение (Мф 11, 25-27). Притом Богосыновство Иисуса включает нечто неизмеримо большее, чем духовный опыт земного человека, праведника и мистика, ощущающего себя вблизи Бога.

Сын действует вместе с Отцом и разделяет Его славу (Ин 5, 19. 23). Отец любит Сына, а потому не утаивает от Него ни одно из Своих дел (Ин 5, 20). Он передаёт в ведение Сына Свои исключительные прерогативы: право давать жизнь и совершать суд (Ин 5, 21. 25 и 22. 27). В этом случае титулы «Сына Божия» и «Сына Человеческого» сближаются и становятся практически идентичными (ср. Ин 5, 25-29). Единородный Сын Божий существовал вечно (Ин 8, 58: «прежде нежели был Авраам, Я есмь»), Он пришёл к людям, чтобы

явить Отца (Ин 1, 18), а затем вернулся в славу, которую имел у Отца прежде бытия мира (Ин 17, 5).

Сыну принадлежит особая роль в замыслах Отца относительно мира и человека. Отец посылает Сына на землю, чтобы спасти мир (1 Ин 4, 9-10. 14; Гал 4, 4; Рим 8, 3), чтобы «мы примирились с Богом смертью Сына Его» (Рим 5, 10). Осуществив Свою миссию, Сын прославил Отца и Сам принял от Него славу (Ин 14, 13; 17, 1).

Воскресив Сына, Бог вручил Ему всю полноту величия и власти (Рим 1, 4; Мф 28, 18; Флп 2, 9-11), призвал людей к общению с Ним (1 Кор 1, 9), к вере в Него (Гал 2, 20). Тот, кто отвергает Сына, отвергает и Отца, иначе говоря, невозможно истинно верить в Бога, должным образом служить Ему, не принимая Сына Божия Иисуса Христа (Ин 8, 19; 1 Ин 2, 23).

Единственное, что мы можем сделать для своего Спасения – это веровать в Сына Божия (Ин 6, 29; 20, 31; 1 Ин 3, 23; 5, 5. 10). «Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (Ин 5, 11-12). «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Ин 6, 40), а «неверующий уже осуждён» (Ин 3, 18).

В послепасхальное время титул «Сын Божий» стал самым распространённым и самым значимым из титулов Иисуса. Больше того, из титула он превратился в имя одного из Лиц Святой Троицы: см. статью «Святая Троица».

Предвечное Слово

В Ветхом Завете «Слово Божие» есть действие и откровение Самого Бога: словом Божиим был сотворён мир (Быт 1), оно звучало в устах Пророков (Ам 3, 8; 7, 15; Иер 20, 7-9 и др.) и Мудрых Израиля. В этом последнем случае Слово Бога сближалось или даже отождествлялось с Премудростью Божией, облекающейся в одежды мудрости человеческой (Притч 8, 1-21. 32-36; Прем 7 – 8).

Слово (Премудрость) поучало людей, как им следует жить, и открывало им тайны Божии (Дан 5, 11-12). Слово Божие – это

реальность, исполненная действенной силы. Оно осуществляет замыслы Божии (Ис Нав 21, 45; 23, 14; 3 Цар 8, 26; Ис 55, 10-11), а Господь бодрствует над ним, чтобы оно исполнилось (Иер 1, 12). В конечном счёте, Слово Бога есть орудие и посредник дела сотворения мира и дела его Спасения после грехопадения.

Апостол Иоанн во вступлении к своему Евангелию (Ин 1, 1-18) открыл последнюю тайну Слова Божия, отождествив его с Сыном Божиим Иисусом. Согласно учению Иоанна, Слово Божие предвечно существовало в Боге и Само было Богом (Ин 1, 1-2). Будучи посредником творения (Ин 1, 3: «всё через Него начало быть»), Слово существовало и до творения, у Бога, в Боге. В Нём Бог познавал и любил Себя Самого.

Слово – это «Единородный Сын, сущий в недре Отчем» (Ин 1, 18). Отец до конца высказывается в Своём Слове-Сыне, полностью выражает Себя в Нём. Будучи едиными в Своей сущности и бытии, Бог (Отец) и Слово (Сын) всё же различаются. Отношения между Ними строятся по типу «Я – Ты», как между разными лицами. Таким образом, евангелист приоткрывает нам тайну Святой Троицы (см. «Святая Троица»).

В ветхозаветную эпоху Сын-Слово действовал сокровенно, не обнаруживая Своего подлинного лица. В последние же времена Он явился лично, в облике человека Иисуса из Назарета. Сын-Слово есть Творец мира: Бог-Отец сотворил мир «через Него и в Нём» (Кол 1, 15-17; Евр 1, 2). Он есть Бог, во всём равный Отцу.

Тем не менее, Он стал плотью (Ин 1, 14), воплотился. В Библии слово «плоть» обычно означает человека в его земных, ограниченных проявлениях. Утверждая, что «Слово стало плотью», евангелист хочет сообщить читателю, что Сын Божий и Бог действительно стал человеком, одним из нас, таким же, как мы «во всём, кроме греха» (ср. Евр 4, 15).

Истинный Бог воистину стал человеком, не переставая притом быть Богом! Это – ещё одна тайна христианской веры, называемая тайной Боговоплощения. Благодаря воплощению Слова, Бог стал для людей предметом конкретного, чувственного опыта: Его видели и слышали, осязали руками, вступали с Ним в непосредственное общение (1 Ин 1, 1-3; Ин 1, 14).

Воплощённое Слово Божие осуществляет двойную миссию: приносит полное Откровение Бога и даёт Спасение. Единородный Сын явил людям Отца (Ин 1, 18) и принёс в мир благодать и истину (Ин 1, 14. 16-17). Слово Божие является средоточием человеческой истории.

Вся история Ветхого Завета была устремлена к Его Воплощению; вся нынешняя история направлена к Его окончательной победе. Второе Пришествие Иисуса Христа (Сына Божия, Сына Человеческого) будет одновременно и явлением Слова, возвещающего полное торжество Бога над всеми враждебными Ему силами (Откр 19, 13).

Святая Троица

Святая Троица – Бог, в Которого верят христиане. Главный догмат христианской веры гласит: Бог един в Своей сущности (в Своём естестве, Своей природе), но троичен в Лицах или Ипостасях. Имена Лиц (Ипостасей) Бога суть следующие: Отец, Сын и Дух Святой. Они обладают одной и той же Божественной сущностью, совечны друг другу и равны друг другу в Своём Божественном достоинстве.

Учение о Святой Троице возникло не в результате богословских размышлений или философских изысканий. Оно – целиком и полностью плод Откровения, явленного людям в Иисусе Христе. Это учение усваивалось христианским сознанием постепенно.

В синоптических Евангелиях (от Матфея, Марка и Луки) троичность Бога скорее подразумевается, но не провозглашается явно. Апостолы Павел и Иоанн выразили тайну Троичности гораздо полнее, а свою окончательную форму учение о Троице приобрело лишь в IV веке, на I и II Вселенских Соборах. В Новом Завете существуют следующие предпосылки для этого догмата.

Бог открывает Себя людям как «Отец Господа нашего Иисуса Христа» (Рим 15, 6; 2 Кор 1, 3; 11, 31; Еф 1, 3; 1 Петр 1, 3). Отец и Сын равно являются совершителями нашего

Спасения. Притом Иисусу присваиваются титулы «Господа» и «Спасителя», относимые в Ветхом Завете к одному лишь Богу. К Иисусу применяются и тексты псалмов, говорящие о Боге (ср., например, Евр 1, 10-12).

Евангелист Иоанн называет Иисуса «Сыном Единородным» (Ин 1, 18), единственным в своём роде, уникальным. Отца и Сына отличают совершенное единство воли (Ин 5, 30), действия (Ин 5, 17-20), взаимное проникновение в познании и любви («Я в Тебе, а Ты во Мне»: Ин 10, 15. 38; 14, 10-11 и др.), взаимное прославление (Ин 12, 28; 13, 31-32; 17, 1. 4).

Оказывается, что Бог-Отец сотворил мир не непосредственно, а через Сына (Кол 1, 13. 15-17; Евр 1, 2), воскрешает мёртвых и судит не непосредственно, а через Сына (Ин 5, 21-22. 25-29), требует от людей того же почтения к Сыну, которое приличествует Ему Самому (Ин 5, 23).

Сын не начал существовать во времени, например, с момента зачатия в лоне Марии, а «пребывал вечно» (Ин 8, 35), «в недре Отчем» (Ин 1, 18), существовал «прежде Авраама» (Ин 8, 56-59). Всё это делает Сына равным Отцу, позволяет назвать Его Богом (Ин 1, 1; 20, 28). Именно так поняли проповедь Иисуса уже Его современники-иудеи: «Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Ин 10, 33).

Откровение Бога, возвещённое людям Иисусом Христом, предполагает присутствие ещё одного Божественного Лица. Накануне Своих Страстей Иисус предсказывает пришествие «Духа истины», названного Им «другим Утешителем» (Ин 14, 16-17), другим Лицом, отличным от Отца и Сына. Он продолжит на земле дело Христа (Ин 16, 7-11), «наставит [учеников] на всякую истину», прославит Отца и Сына (Ин 16, 13-15).

Это обетование исполнилось в день Пятидесятницы (Деян 2, 1-13), положившем начало эпохе Святого Духа. В других новозаветных Книгах Дух Святой представлен как самостоятельный субъект действия. Он творит волю Божию (Рим 8, 27). Приводит людей к вере во Христа (1 Кор 12, 3), руководит ими на путях

личного Спасения (Рим 8, 26). Направляет христианскую миссию (Деян 8, 29; 10, 44-48; 16, 6-10), содействует Церкви в принятии важных решений (Деян 15, 28). Распределяет необходимые общине верующих дары, и поставляет на служение (1 Кор 12, 4-11. 27-31). Нисходит на принявших Крещение (Деян 2, 38) и живёт в их душах, как в храме (1 Кор 3, 16; 6, 19).

Поскольку «Бог есть Дух» (Ин 4, 24) и «Господь есть Дух» (2 Кор 3, 17), Святой Дух вполне выражает природу Бога. Тем не менее, Ипостась Святого Духа остаётся наиболее таинственной, трудной для понимания.

Сын Божий (Второе Лицо Троицы) воплотился, стал человеком. В своей человеческой личности и через неё Он открывает нам, Кто – Он, и Кто – Отец (Ин 14, 9: «Видевший Меня видел Отца»). Таким образом, мы можем как-то представить себе Отца и Сына. Однако Дух не может быть представлен в человеческом образе, Его наиболее адекватными символами являются такие неуловимые субстанции, как вода, огонь, воздух и ветер.

К Нему невозможно прикоснуться рукой, хотя можно узнать Его посещение по некоторым признакам, можно услышать Его голос. Тем не менее, о Нём «не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин 3, 8). Святой Дух действует всегда через другое лицо, овладевая им и преображая его изнутри. Понять Его можно тоже только изнутри: «Вы знаете Его, потому что с вами пребывает и в вас будет» (Ин 14, 17). Святой Дух вновь и вновь напоминает нам, что Бог есть Тайна, не вмещающаяся в наши рассудочные категории, ускользающая от нашей досужей любознательности.

Учение о Святой Троице также остаётся почти непроницаемой тайной. Каким-то образом приблизиться к её разумению всё же можно, если принять во внимание определение апостола Иоанна «Бог есть любовь» (1 Ин 4, 16). Любовь предполагает отношения между личностями. Отсюда можно сделать вывод, что сущность Бога – любовь – реализуется в отношениях между Божественными Лицами.

Единый Бог – это община Трёх Божественных Лиц, связанных отношениями всеобъемлющей, упраздняющей всякие перегородки любви. Потому Божественные Лица пребывают друг в друге, взаимно проникают друг друга («Я в Отце и Отец во Мне»; Святой Дух есть Дух Отца и Дух Сына), в совершенстве знают друг друга, имеют единую волю, проявляющуюся в едином действии. Так трое становятся одним – Единым и Единственным Богом.

Притом любовь Бога не замкнута в себе, а открыта вовне. По этой причине община Святой Троицы может расширяться: в неё включаются люди, дети Божии, усыновлённые Богом-Отцом через Сына (Иисуса Христа) и уподобленные образу Сына благодаря внутренней, порой долгой и незаметной работе Святого Духа.

Список иллюстраций

Раздел I

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Гравюры на дереве:
1. Первые ученики Иисуса Христа. (стр. 11)
2. Въезд Иисуса в Иерусалим. (стр. 13)
Иисус перед фарисеями. (стр. 18)
Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Борение Иисуса в Гефсимании. Гравюра на дереве. (стр. 23)
Иисус в Гефсимании. (стр. 27)
Эль Греко. Моление о чаше. (стр. 31)
Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Гравюры на дереве:
1. Иисус перед Каиафой. (стр. 34)
2. «Распни Его!». (стр. 36)
3. Распятие. (стр. 38)
4. На пути к Голгофе. (стр. 41)
Распятие Иисуса Христа. (стр. 45)
Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Гравюры на дереве:
1. Взятие Иисуса Христа. (стр. 49)
2. Страдание Иисуса Христа. (стр. 52)
Воскресение Иисуса Христа. (стр. 54)
Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Гравюры на дереве:
1. Женщины у гроба Иисуса. (стр. 56)
2. Воскресший Христос является Марии Магдалине. (стр. 59)
3. Явление Иисуса ученикам. (стр. 62)
4. Вознесение. (стр. 67)
5. День Пятидесятницы. (стр. 73)
Проповедь о Иисусе Христе, Распятом и Воскресшем. (стр. 76)
Откровение Слова-Иисуса. (стр. 79)
Троица. Журнал «Истина и жизнь». 1993. № 11-12. (стр. 83)
А. Дюрер. Иисус. Гравюра на дереве. (стр. 85)
Троица. Энциклопедический словарь символов, знаков, эмблем. (стр. 89)

Раздел II

Н.В. Ширяева. Иллюстрация к Роману Фредерика Тристана «Мастерская несбывшихся грёз». (стр. 96)

Список дополнительной литературы

В каждом выпуске мы будем предлагать вашему вниманию список книг, которые, на наш взгляд, могут оказаться вам полезными. Конечно, этот перечень далеко не исчерпывает весь объём литературы, изданной на ту или иную тему. Признаться, мы и не ставили перед собой такой задачи. В списках дополнительной литературы мы будем указывать сначала популярные издания, написанные доступно и просто, а затем – более сложные, научные. Особо стоит подчеркнуть следующее: чтение рекомендуемых нами книг не является обязательным. Вы абсолютно свободны и можете обратиться к ним, если у вас будет на то время и желание.

Библия. Издательство «Жизнь с Богом». Брюссель. 1989

Библейская энциклопедия. Российское библейское общество. 1998

Предлагаемая вашему вниманию библейская энциклопедия представляет собой доступное широкому кругу читателей издание. С её помощью вы сможете ознакомиться с историей создания Библии, археологическими находками, позволяющими соприкоснуться с древнейшими библейскими рукописями. Вы узнаете о быте, обычаях, религиозной жизни Израильского народа, неразрывно связанного с Книгой, а

также других народов, упоминаемых в ней. В энциклопедии имеется большое количество цветных фотографий, рисунков, схем и географических карт, что позволит сделать чтение более увлекательным и станет прекрасным наглядным дополнением к текстам.

Библейский атлас. Тим Даули. Российское библейское общество. 2003

В атлас специалиста по церковной истории Тима Даули вошли более 80 цветных географических карт Палестины, Ближнего Востока и Римской империи. В нём освещены важнейшие события на протяжении всей библейской истории, вопросы географии, климата и сельского хозяйства. Атлас может стать хорошим дополнением к материалам тетрадей нашего курса благодаря доступному тексту, красочным фотографиям, картам, схемам и диаграммам.

Мень А. В. История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни. В семи томах. Т. VII. М.: СП «Слово», 1991

Тематике данной тетради соответствуют следующие части книги о. Александра: «Мессия», «Навстречу Голгофе», «Через страдания и смерть к вечному торжеству». О. Александр говорит о мессианских ожиданиях, существовавших в иудаизме времён земного служения Иисуса, а также о несоответствии мессианства Иисуса Назарянина бытовавшим представлениям. О том, что Сына Божия не приняли не только представители религиозной элиты Израиля, но и ученики не понимали Его. Он повествует о событиях последних дней Иисуса Христа: Тайной Вечере с учениками, Гефсиманском борении, суде в Синедрионе и у прокуратора Иудеи, Страданиях, Распятии и Воскресении.

Мень А. В. Радостная Весть. Лекции. Выпуск 1. М.: АО «Вита-Центр», 1991

В этом издании собраны лекции, которые были прочитаны о. Александром в последние два года его жизни. Вы уже имели возможность познакомиться с некоторыми из них. Теперь Вы можете обратиться к лекции: «Воскресение».

Луиджи Сантуччи: «Не хотите ли вы отойти?» Размышления о земной жизни Иисуса Христа. **М. 1994**

Л. Сантуччи предлагает также своим читателям поразмышлять о вступлении Иисуса в Иерусалим, радостном принятии людьми и последующем отвержением, последней трапезе с учениками, сне учеников во время молитвы о чаше Иисуса, бичевании Его у столба, издевательствах стражников, оставленности на Кресте, о явлении воскресшего Иисуса женщинам и ученикам.

Эти темы являются содержанием следующих разделов данного произведения: «Город», «Страсти», «Воскресение и Вознесение».

Дидон А. Иисус Христос. В двух томах. Т. II. М.: Терра, 1998

Во второй том включены книги 4-5 исследования французского католического теолога Анри Дидона и ряд приложений. Он продолжает подробное повествование о мессианском служении Сына Человеческого, воплощенном в Его словах и деяниях, учениках Иисуса, Его Крестной смерти и Воскресении.

Новый библейский словарь. Часть 1. Библейские персонажи. СПб.: Мирт, 1999

Данный словарь содержит информацию о лицах, достаточно активно проявивших себя в библейской истории. Здесь много карт, рисунков, схем, где указаны генеалогические

связи. Материал этого словаря поможет вам приблизиться к пониманию реальности библейской истории. Авторы словаря стараются избегать категоричных оценок и не пытаются навязать читателям собственное мнение, они лишь показывают различные точки зрения по многим спорным моментам библейской истории. Большинство статей отличаются информативной насыщенностью, хорошим научным уровнем, широтой проблематики.

Статьи словаря снабжены научными комментариями востоковеда-гебраиста. Эти комментарии способствуют лучшему осмыслению библейских реалий, разъясняют научную терминологию и расширяют тематические рамки.

Библейская энциклопедия Брокгауза. Фритц Ринекер. Герхард Майер. Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn. Русское издание, 1999

Библейский словарь Фритца Ринекера поможет вам лучше понять библейский текст. Энциклопедия содержит более 6000 ключевых слов к личностям, истории, археологии и географии Библии. Авторы предприняли попытку выявить значение библейских понятий и слов, рассмотрев все возможные случаи их ситуативного и контекстуального употребления в Священном Писании. Обращаясь к этому словарю, вы сможете расширить горизонты своего видения библейской истории, географии земли, в которой происходили события, описанные в Библии, и истории культуры народов, которые непосредственно участвовали в этих событиях.

Сокращения названий библейских книг

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ:

Авв	Аввакум
Авд	Авдий
Агг	Аггей
Ам	Амос
Быт	Бытие
Вар	Варух
Втор	Второзаконие
Дан	Даниил
(1) Езд	Первая Книга Ездры
2 Езд	Вторая Книга Ездры
3 Езд	Третья Книга Ездры
Екк	Екклезиаст
Есф	Книга Есфирь
Зах	Захария
Иез	Иезекииль
Иер	Иеремия
Иов	Книга Иова
Иоил	Иоиль
Ион	Иона
Ис	Исаия
Ис Нав	Книга Иисуса Навина
Исх	Исход
Иф	Книга Иудифь
Лев	Левит
1 Макк	Первая Книга Маккавейская
2 Макк	Вторая Книга Маккавейская
3 Макк	Третья Книга Маккавейская
Мал	Малахия
Мих	Михей
Наум	Наум
Неем	Книга Неемии
Ос	Осия
1 Пар	Первая Книга Паралипоменон

2 Пар	Вторая Книга Паралипоменон
Песн	Песнь Песней
Плач	Книга Плач Иеремии
По. Иер	Послание Иеремии
Притч	Книга Притчей
Пс	Псалтирь
Руф	Книга Руфь
Прем	Книга Премудрости Соломона
Сир	Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова
Соф	Софония
Суд	Книга Судей
Тов	Книга Товита
1 Цар	Первая Книга Царств
2 Цар	Вторая Книга Царств
3 Цар	Третья Книга Царств
4 Цар	Четвёртая Книга Царств
Числ	Числа
Слл. =	Следующие стихи
и пар. =	и параллельные места

НОВЫЙ ЗАВЕТ:

Гал	Послание к Галатам
Деян	Деяния Апостолов
Евр	Послание к Евреям
Еф	Послание к Ефесянам
Иак	Послание Иакова
Ин	Евангелие от Иоанна
1 Ин	Первое Послание Иоанна
2 Ин	Второе Послание Иоанна
3 Ин	Третье Послание Иоанна
Иуд	Послание Иуды
Кол	Послание к Колосянам
1 Кор	Первое Послание к Коринфянам
2 Кор	Второе Послание к Коринфянам
Лк	Евангелие от Луки
Мк	Евангелие от Марка

Мф	Евангелие от Матфея
Откр	Откровение Иоанна
1 Петр	Первое Послание Петра
2 Петр	Второе Послание Петра
Рим	Послание к Римлянам
1 Тим	Первое Послание к Тимофею
2 Тим	Второе Послание к Тимофею
Тит	Послание к Титу
1 Фес	Первое Послание к Фессалоникийцам
2 Фес	Второе Послание к Фессалоникийцам
Флм	Послание к Филимону
Флп	Послание к Филиппийцам

Сокращения библейских цитат, принятые в настоящем курсе

2,1	Вторая глава, первый стих.
2, 1-12	Вторая глава, стихи с первого по двенадца тый.
2, 1-12. 17	Вторая глава, стихи с первого по двенадцатый и стих семнадцатый.
2, 1 – 3, 12	От первого стиха второй главы до двенадца того стиха третьей главы.

Список общих сокращений

в., вв.	век, века
г., гг.	год, годы
греч.	греческий
др.	другие
Кн.	Книга
лат.	латинский
н. э.	наша эра (до н. э.)
о.	отец
ред.	редактор, редакция
Р. Х.	Рождество Христово (до Р. Х., по Р. Х)

С.	страница
см.	смотри
ср.	сравни
Т.	том
т. д.	так далее
т. е.	то есть
т. п.	тому подобное

Содержание

От авторов 2

Раздел I
Мессия и Сын Человеческий 7
Сын Божий 15
Смерть Иисуса 21
Гефсиманское борение 22
Ещё раз о смысле страданий 26
Почему распяли Иисуса? 33
На Кресте 37
Могло ли случиться иначе? 43
Благовестие Пасхи 53
Распятый и Воскресший 64
Святой Дух 71
Предвечное единство Отца и Сына 75
Святая Троица 83

Раздел II
Христос воскрес? 93

Творческие задания 105

Важнейшие понятия 106

Список иллюстраций 129
Раздел I 129
Раздел II 129

Список дополнительной литературы 130

Сокращения названий библейских книг 134

Сокращения библейских цитат, принятые в настоящем курсе 136

Список общих сокращений 136

В начале было Слово… Восьмая тетрадь:
Бог-Спаситель.
Новосибирск, 2007.

Руководитель проекта: диакон Владимир Дегтярёв

Литературный редактор: Путренко И. В.

Авторы и составители I раздела:
Дегтярёв В. В., магистр богословия,
Овчинникова О. М., лиценциат богословия,
Овчинников И.В.,
Фёдорова Н. Э.

Автор и составитель II раздела:
Путренко И. В.

В оформлении заставок ко II и III разделам использавана графика Ганса Гольбейна Младшего.

© Институт философии, теологии и истории святого Фомы
© Католический Центр Духовного Развития ”ИНИГО”